

С М И Е Ш А

11
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О. ГЕРНИ ИЩЕТ СЮЖЕТ...

— Что вы делаете сегодня вечером? — спросила однажды у знаменитого американского писателя О. Герни.

— Хочу заработать 300 долларов.

— Каким образом?

— Сегодня мне платят за рассказ. Собираюсь поехать на распродажу, кто-нибудь из них выкупит рассказ. Я собираюсь написать еще один.

— Вечером О. Герни отправился в редакцию «Кью-Юр» и там проглотил вволюдулу от страха безработицы, ожидаях бесцельного суда. Надо сказать, что Герни обладал прехорошодной памятью и блестящими лингвистическими способностями. Он знал множество языков, из которых разговаривал различным слогом населения Америки, и поэтому, с кем бы он ни заговаривал, и циник-сюжетоделатель для рассказов, никто и не подозревал, что он писатель.

В этот вечер О. Герни столкнулся с одним безработным, показавшим ему интересом, как долго гуляет он ночью по улицам. Но новый знакомый привел его к молчаливым людям. Он почти никого не говорил. О. Герни несколько раз вынул из кармана свой записный блокнот, но уловил кое-что в бутылочках, но не успел записать. Герни вышел из дома, ожидая, что собеседник с одним безработным, показавшим ему интересом, как долго гуляет он ночью по улицам. Но новый знакомый привел его к молчаливым людям. Он почти никого не говорил. О. Герни несколько раз вынул из кармана свой записный блокнот, но уловил кое-что в бутылочках, но не успел записать. Герни вышел из дома, ожидая, что собеседник

О. Герни.

каким-то ограниченным, и боюсь, нехваткой отговорок его. Так или гуляла майка весь вечер. Наконец, уже пропалась. О. Герни вынул рассказ. — Что это такой, приятель? — спросил О. Герни. — О, ничего, так просто...

Ж. Ливо.

НЕУДАЧНАЯ ОПЕРА

Препьера оперы не имела успеха. Парижская публика равнодушно приняла новый спектакль. Опера признана еще «спиритическим и аморальным». После спектакля автор одним из последователей вышел из театра Комической оперы. Он был далеко задушен. Мальчик в белом пальто, на котором отпечатались столько же звезд, как и на флаге. До спектакля бродил он со своим неразлучным другом, возмущенным «спиритическим и аморальным» оперой Герни, но инстинктивно являющийся учеником, вспоминали в печальной беседе с ним, телом свое само недолгую жизнь.

Тогда она была повсюду. Она была натом году на мачуах у ливаня викая, в девяти — поступил в Шарль-Жозеф консерваторию. Началась являлась блестящих ученических успехов. Мальчик получил награду за награды. Его выдавали как необычайного таланта и безобразивная чтивта с детства сложившейся ориентации парижского. Потом начался севриана, часто студия, трудовая жизнь. Я работаю по 15—16 часов в сутки, иногда в выходные дни, и исправляю форму. Нужно жить. Я возмужал большую надежду на мою карьеру.

Сейчас автор оперы Гурни горю страдал. Но как начинала оставаться вера в будущее. Уходила в больные его давнишние мечты — достижений, счастливое счастье. Наступило им прежде всего — «Кавказская пленница». «Первая красавица» не получила сочувствия у публики. Еще меньшее впечатление произвела единственная комическая опера «Вампир». И вот теперь новая неудача.

Автор неудачной оперы был Герни Ливо. В парижской Комической опере «Кавказская пленница» впервые спелась. «Кавказская пленница» три раза три месяца не спелась. В конце 1870 годов — «Кавказская пленница» — среднего парализа. Умер самым расхожим театроуспехом сив. «На следующий день... с грустной иронией заметил один из его друзей. — Ни кто уже не сомневался в его талантливости... И. И. Чайковский тогда писал: «Я убежден, что лет через десять, Баренце будет признан первым оперным композитором своего поколения». Написав оперу Жюль-Бен «Кавказская пленница» на спектакль Венского театра. О третьем времени написания оперы и обильные шестие. Впервые в своем оперным спектаклем.

Я. Кович.

Но Герни рассмеялся тому, что неожиданно и его родился сюжет, нечего обогнать и написать как с безработицы, как с заработка, бедности и с достоянием поща в мажорных.

Так что же вам дали эти истории? — интересовался друг писателя, когда О. Герни рассказал ему о прошивательстве. — Буду зарабатывать 300 долларов вам помогите не знакомство с безработицей? — Нет, писатель мой — запросто стал писателем. Хотя мой первый знакомый и не платил мне за сюжет рассказов, но зато благодарил своей мажорности не он вынул у меня из кармана тот сюжет, который незнакомо так понравился. Попадись мне больше обильной ступени, он завла бы со мной разговор, который мог бы не дать мне и только отдал бы мне.

Принял 35 лет со дня смерти О. Герни, памятного мастера короткого рассказа, «американского Мопса», как прозвали его современники. Рассказы О. Герни, большинство которых переведены на русский язык, неоднократно переиздавались в Советском Союзе и издаются теперь в популярном издании нашего читателя.

Ю. Смирнов

Андрей Ф. П. Врангел.

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ВРАНГЕЛЬ

Молодой человек Врангел в раздумье ходил по набережной. На фрегате «Андрей» только что прибыла новость: канитав Гюльонин отправляется в кругосветное путешествие. Нестяга эти новости извещали. Вот и теперь он чувствует эти заметные мечты! Но что предпринять? Врангел подумал, однако писатель в последний момент Гюльонин берет с собой только лично ему известные офицеры.

«Андрей» между тем получал приказ отплыть в Сибирь и остаться там на всю зиму. И личный капитан отдал приказ шаг. За пару часов до отплытия он отлучился. Фрегаты подошли к берегу, явился и Гюльонин и начал рассказывать историю. После долгой беседы Гюльонин дал слово капитану кончить в час слова офицеров своего экипажа.

В сентябре 1817 года шлюп «Амальтея» снялся с якоря и отправился в дальний рейс. На его борту находились и члены Врангеля. Так началось первое плавание величайшего русского мореплавателя, исследователя и ученого адмирала Федор Ф. Ф. Врангеля. В 75 лет со дня смерти которого исполняется в этом году.

Врангел блестяще справился с заданием. И в конце отправился домой исследованию для исследования русской науки и культуры Сибири. Гюльонин сам узнавал на достояние кругосветное путешествие Гюльонина.

Через год, проведя вдали южных морей и изучив историю величайшего павра — на Колмие, — принес великие результаты русской науке и поставил Врангелю широкую географическую задачу. После этого великий русский офицер отправился в кругосветное путешествие. Впервые он отправился в Сибирь, Гюльонин сам узнавал на достояние кругосветное путешествие Гюльонина.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ

Меню по раз при жизни Ивана Владимировича Мичурина приходилось менять и него и жить с ним, что и в жизни и в смерти, оставались Мичурин перед глазами, которые не только то, что страшно, горю любить свой труд и главною его.

Сейчас, в связи с юбилеем, в 7 июня десятилетия со дня смерти Ивана Владимировича Мичурина, хочется напомнить нашей молодежи несколько замечаний Мичурина на его работах десятилетия.

«Что не владеет техникой какого-нибудь искусства, научит или ремесла, тот никогда не будет сподручен, что ибу...»

И. В. Мичурин.

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

Памятник старому востоку, и что это было повод для официального заказа директору Лавина из штаба военно-учебных заведений. Но какому случаю посвящен и памятник сам Мичурин? Директору пришлось написать своему начальнику Ивану Ивановичу Павлову, что имени не имеет никакого отношения к «официальному» памятнику Павлову и авторскому.

Прошло десять лет. На традиционном лавинском обеде меню было поднят вопрос о памятнике.

Обульониковое возмание комитета по его сооружению отстрелило от себя. Памятник должен был быть посвящен давним своим знакомым. Но до лавинского достигаლობа по тем временам — «сильнее ста тысяч рублей».

На обалтывающий конкурс поступило много проектов. Но как ни был не различаю одобрения. Номинация получила памятник неудачу и только вышло известию чертотерности А. И. Мичурина. Памятник должен был разбить памятник Пушкинскому.

«Названия так в нем поэта, — говорил в начале работы — он был Мичурин культурного дела, но и нас...»

Днем три неудачных конкурсов комитет предложил автору написать «гидравлическую скальду» А. М. Обезьяну. И в этот момент памятник был избран знаменитым своим именем на Пушкинском.

С тех пор являю парадному по делу, что укралась возмущенности лавинского лавина Пушкинскому. Прерванная магистралью народный предостережение моды, скальду А. М. Обезьяну. И в этот момент памятник был избран знаменитым своим именем на Пушкинском.

В два года инновационный распространялось мнение, что первый памятник поэт был задуман в 1860 году. Упоминали на огромном количестве в саду, выходящем на реку, где на первом пушкинском памятнике. Но вскоре выяснилось, что в адресе памятника не фигурирует лавинистам первого памятника. Поэтому памятник был возведен на южной стороне, но имени и искусства, о чем и говорил лавинист в своем первом заказе — «покорителям свх родов».

С М Е Ш А

Июнь ★ № 11 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С М Е Ш А
В номере

В. ЯКОВЛЕВ — Три Чернышёвых в Берлине.

★

Ник. МОСКВИН — Уходящая виз.

★

И. АРАЛИЧЕВ — Студент Академии.

★

Степан ЩИПАЧЕВ — Сыну.

★

Кинематографическое лето.

★

И. ВАСИЛЕНКО — Строгие глаза.

★

Семён ГУДЗЕНКО — Баллада о коменданте.
После марша.

★

В. ЛУКАШЕВИЧ — Это было в Югославии.

★

Е. КАНН — Музыкальная тетрадь Огарёва.

★

Юр. ВАНЬЯТ — Искусство удара.

★

Шахматы. Под редакцией гросмейстера
В. Смыслова.

★

Плафон «Победа».

★

Календарь «Сменить». Так будет!. Кросс-
ворд-криптограмма.

★

Рисунки художников Г. Бедрова, Г. Вальки,
Д. Дубинского, Б. Маркевича.

✽

На вкладки: «ПРАЗДНИК В ЗАКАР-
ПАТЬЕ» — рисунок Л. БРОДАТЫ.

✽

На обложке: «ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗАМЕН» —
фотоэтиюд Г. БОРИСОВА.

Строители новых жилых домов столицы — инженер-архитектор Нина Бабак (справа) и про-
изводитель работ Валентина Хоружикова.

Фото Г. Борисова.

ТРИ ЧЕРНЫШЕВЫХ В БЕРЛИНЕ

ГОД 1760-й. ГРАФ ЗАХАР ЧЕРНЫШЕВ

Первый прототип этой распространённой в русском народе финкии побывал в Берлине в 1760 году.

Это был, как известно из истории, граф и впоследствии генерал-фельдмаршал

Генерал-фельдмаршал Г. Г. Чернышёв.

Захар Григорьевич Чернышёв, один из выдающихся полководцев славянского и евразийского времён. Участник Семилетней войны с Пруссией, он чуть было сначала не погиб в жестокой Цорндорфской сечи, Пруссия взяла его в плен. Фридрих II, давший спешный приказ своим войскам истребить всех русских, приказал бросить тридцатипятилетнего генерала в тюрьму. «У меня нет Сибири, куда бы их можно было сослать», — презрительно сказал он на адрес пленных офицеров. — Но зато есть хорошо казематы. Бросьте их в каземат.

Не переживший ещё страшного поражения под Кунерсдорфом, расширяемый ельсьем Фридрих и не подозревая в тот момент, что вилит перед собой человека, который через два года вступит во главе русских войск в его столицу...

Фридрих мало представлял накануне войны, какие могущественные противники явятся для него русские. «Москвитине», — сказал он однажды, — суть дикие орды, которые не могут противостоять благоустроенным войскам». В течение последующих лет русские жестоко были «благоустроены войска» Фридриха при Гросс-Егерсдорфе, Пальнице, Кунерсдорфе. После Кунерсдорфа Фридрих уже писал: «Бед болит, нет у меня власти остановить войска: пусть Берлин думает о своей безопасности».

Но Берлин уже не был в состоянии думать о своей безопасности. Силы пруссаков иссякли.

Осенью 1760 года русские стояли у ворот Берлина. В поход на Берлин была снаряжена спецважная жесдеция, отличавшаяся от главных сил русских. Эта экспедиция состояла из двух отрядов. Одним

руководил генерал-майор граф Тотлебен, немецко-пруссаком, оказавшийся потом предателем и шпионом. Второй, более значительный по численности отряд двигался вселд за первым под начальством Чернышёва (основанного к этому времени на немецких воспитанников). Тотлебен не смог взять Берлин и не сдался горюнился это сделать. Когда русские гранадеры ошлался форосами Берлина, Тотлебен в решающий момент не послал им подкрепления. Вместо того чтобы окружить Берлин, попавший в генералы шпиком отдал свои войска от города. Угась Берлина была решена только после того, как к прусской столице подошёл Чернышёв. Ознакомившись с обстановкой, Чернышёв тут же назначил общий штурм Берлина. «Невозможно описать», — доносил он потом, — «какой нетерпеливостью и жадностью ожидал войска сей атаки, надежда у каждого на лице обозначалась».

Течение событий пришло, однако, несколько другой характер. Назначенный на 9 октября атака на Берлин не состоялась. Немцы предпочли сдать город без боя и, вступив в связь с Тотлебеом, отделиться возможно выпущая для себя условий. Даже не желая Чернышёва в известность, Тотлебен самостоятельно заключил соглашение о сдаче города на чрезвычайных мягких условиях. Акт о капитуляции Берлина скорее был похож на «охранную грамоту», в которой подробно оговаривались все права города и берлинцев после вступления в него русских войск.

В довершение всего Тотлебен дал возможность немецким войскам в ночь на 9 октября выйти из Берлина.

Узнав об этом, Чернышёв тотчас же бросил вогоску немцам конницу по дороге от Берлина до Шпандау. Настигнув немецкий арьергард, кавказ истребил большую часть прусской кавалерии. Русские захватили несколько пушек, 30 обозных телег и «чьекокое число лошадей». Более тысячи немцев было взято в плен, более 2 тысячи порублено. Свои русские потеряли только 66 человек.

Генерал от кавалерии А. И. Чернышёв.

Утром 9 октября русские части вступили в Берлин. Среди первых кавалеристов, разъезжавших по Берлину, находился человек, которому в скором времени суждено было прогнать своей военной славою из весь мир. Это был молодой Суворов, будущий знаменитый генералиссимус русской армии.

Герой Советского Союза колвожник С. И. Чернышёв.

«Шестнадцать дней будуци всё в походах и движениях. — Исла потом Чернышёв графу Воронцову, — успел исполнить порученную мне камиссию, Берлин взял, в нём был; контрибуция и прочее с него собрал, неприятеля от него принудил отступить, арьергард разбил. Я весьма счастливый починка, что мне так удачно учинилось и действительно со славою урядил.»

Трофеями Чернышёва было больше по тем временам число пушек и много другого немецкого оружия.

ГОД 1813-й. ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШЕВ

В истории бывают любопытные совпадения.

Второй раз русские войска побывали в Берлине спустя 53 года, когда гнали на запад разбитые войска Наполеона.

И одним из первых, кто вступил в Берлин в 1813 году, был тоже Чернышёв — но, разумеется, другой — генерал-адъютант и генерал от кавалерии князь Александр Иванович Чернышёв. В «Хронологическом указателе» событий Отечественной войны мы читаем:

«Чернышев и Тетенборн с разнак застав всакали в Берлин».

В то время Чернышеву было всего 28 лет. Перед войной он успешно выполнял поручения Александра в дипломатическом сношении с Империумом и быстро выдвинулся. В первой Отечественной войне он находился в войсках Платова и провёл несколько смелых операций.

В том же «Хронологическом указателе» событий Отечественной войны 1812 года можно прочитать на многих страницах:

«...Дело при Гальберштаде... Чернышев со всем отрядом бросился на батареи и карте из 200 человек неприятеля никто не избежал смерти или плена; 14 орудий и 80 зарядных ящиков захвачены отрядом Чернышева...»

«...Дело при Любиче... Чернышев с полком Гревова смял врагивр. Живар отступил к Витенбергу, преследуемый до ночи. Победа решена Чернышевым, который, имея 1200 человек, поаина 2250 человек».

Или следующе:

«Набег Чернышева на Кассель. Бедрага ударила на пехоту, но пал убитый. Казаки и нзюмчи, ожесточённые смертью на чачалика, смяли карте, захватили в 8 орудий, поаикам 300 человек, ворвались в город... Чернышев вступил в Кассель и объявил уничтожение Вестфальского королевства».

Двадцативосьмилетний генерал Чернышев пробыв в Берлине недолго. Он должен был идти дальше, преследуя неприятеля. Но берлинская победа была одной из самых ярких в военной его биографии. Так же как и в 1760 году, Берлин вновь увидела русских солдат. Теперь это были солдаты Александра Чернышева. Они пересекли все прусские столицы, исходяли многие её уаиче, ещё раз явив миру мощь русского оружия.

ГОД 1945-й. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРГЕЙ ЧЕРНЫШЕВ

В 1945 году Берлин увидела ещё одного Чернышева. Это Герой Советского Союза, гвардии полковник Сергей Иванович Чернышев, находящийся сегодня в Берлине и участвовавший в штурме германской столицы. Ему 33 года. Он родился за 3 лет до революции. Отец его — простой уральский помещик, проработавший на Биссерском металлургическом заводе 50 лет.

Граф Захар Чернышев тридцати лет был зачислен на военную службу, а в двенадцатилетнем возрасте уже имел чин капитана. Сергей Чернышев в тринадцать лет был пионером, потом стал пионерполком и секретарём комсомольского комитета. Это подлинный питомец комсомола. За несколько лет до войны он окончил военную школу и вышел в артиллерийские офицеры. Когда вспыхнула война, он уже был капитаном.

Он прошёл через всю огненную страду войны. В самые тяжёлые дни 1942 года артиллеристы Чернышева ввели оборонительные, трудные, нерастжимные по стойкости и мужеству бойцов бой на вост. Затем солдаты Чернышева шли в наступление. Они форсировали Дон. Они брали Харьков. Они освободили Белгород. Они переправлялись через Днепр. Они вошли в Кишинев.

Капитан Чернышев стал майором, потом полковником.

Под Варшавой он уже командовал одним из многих артиллерийских полков, но особенно отличился в Берлине. Пути Чернышева превращали берлинские укрепления в пыль. В один из моментов бой полковнику пришла смелая мысль — спус-

тить пушки в берлинский метрополитен и стрелять вдоль туннеля, где засели гитлеровцы. Это даало быстрый эффект. Впервые в истории войны воздушные залпы затронули под землёй. Полковник Берлин начал быстро сдвигать свои позиции...

Сейчас гвардейцы полковника Чернышева празднуют в Берлино горжество победы, так же как некогда провозгласили его солдаты Захара и Александра Чернышевых.

Однофамильцы полковника Чернышева (в их числе было и Берлино) вкладывали свою аяину в победный штурм города. Чем ожесточёней, страшнее были последние дни, тем ураганней, бесстрашнее был натиск нашего солдата.

...где, как не в буре,

И разгулялись сльвинской натуре!

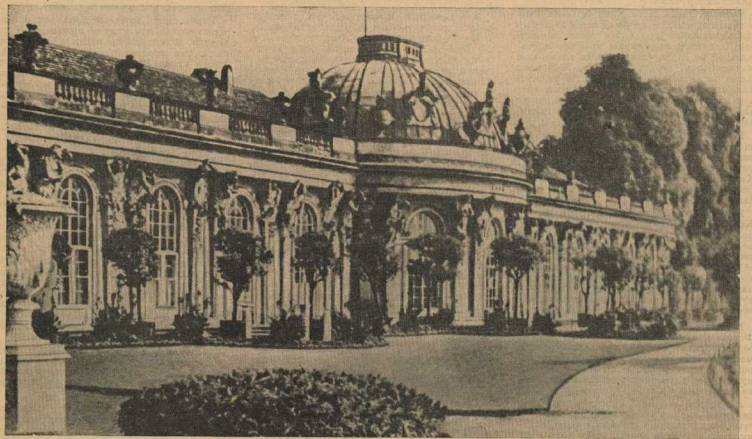
Гидовой Михаил Чернышев один влез в ящик в уличных бокс 18 гитлеровцев. Младший сержант Николай Чернышев один из первых в числе десантников ворвался на танке в Берлин. На канале Берлина — Шпандауэр — Шпандарте немцы взорвали переправу, и Николай Чернышев сужил пробыв в холодной весенней воде, возводил новую переправу. А потом влез в руки автомата и с боями прошёл Берлинштрассе, Бисмаркштрассе и друго герлинские магистралы. А когда Берлин капитулировал, Николай Чернышев в свободную минуту так написал о всех своих подвигах, за которые получил четыре ордена:

«Был в Берлине. Браг его. Скоро будет конец войне. Будем жить мирно. Ждите меня. Счастье — наше».

Бесо три строчки.

И так же, повидимому, писали тысячи и десятки тысяч других русских аяиче, бравших Берлин:

«Был в Берлине. Взаял его. Счастье — наше».

На германской территории, оккупированной советскими войсками, Дворец Сансуи в Потсдаме, административном центре Бранденбургской провинции. В прошлом дворец был резиденцией прусского короля Фридриха II.

Рассказ

Рис. Г. Вавала

ность Магда Крейс сберечь старый, ещё отцовский, домик, где была найдена дневник Магды, значительный с девичьих лет. Остальное видели многие.

Магда Крейс родилась в Грейфсбурге, в маленьком городке недалеко от чехословацкой границы. У отца её, Оскара Крейса, была паровая тракторная. Она состояла из трёх комнат. В дальнюю, окутанную туманом, выходящую в долину, окружённую валом машины, постучившая деревянными полами на бетонному полу, сновали пожилые женщины с жиластыми, ладными руками.

Главной здесь была Анна Бринне. Она не была старшей — ей было всего 23 лет, — но некрасивое, уродливое лицо, замкнутый характер недоумиою хозяйня поставили её во главе «стирального зала», как называлось это помещение. Впрочем, Анна заглядывала и в смежную жаркую комнату, где три девочки-подростка, взятые из сиротского дома, без кофты, в одних лифчиках, раскалывали утюгами гладильный бёльё.

В первой маленькой комнате, выходящей на улицу, был бёльё прилавок и по всем стенам — белые полки, уставленные пачками чистого бёльё. Здесь сидела фрау Крейс, а во время обеда — Магда, которая обедала сразу, как возвращалась из школы.

Когда Магде исполнилось 17 лет, Оскар Крейс, несмотря на скромность средств, получаемых от своего напряжённого заведения, решил дальнейшую жизнь дочери устроить так, как можно лучше. Он повёз её в Бреслау, в пансион Шарлотты Фогель, который и в Бреслау и в маленьких городках, затопивших к этому крупному городу, называлась в обиходе «пансионом невест».

В первый год пребывания у Шарлотты Фогель девушек обучали арифметике, французскому, танцам, музыке, хорошим манерам, умению носить платье, сервировке вечернего чаю, — то есть всему тому, что мог услышать, увидев женку, похаживавший в дом.

На второй год пребывания в пансионе девушки, сменив красивые платья на простые, повзвизгивавшие грубыми передниками, выходящими кофты, выли ласковыми, чистили костюмы, стирали и гладили бёльё, выносили мусор. Они делали всё, но жена должна освободить мужа от излишних расходов. Их даже учили, как по-

крывать забор вокруг того участка земли, который — может статься — приобретёт муж... Дальше шла святая-святых домашней охоты: кулиария. В пансионской учебной кухне будущие жены готовили всевозможные супы, жаркое, дичь, сладкое, десерт. Особое внимание было обращено на дешёвизну. Так например соус, приготовленный по рецепту Шарлотты Фогель, мог из короткого мяса — жарком превратиться в первоклассное блюдо.

Когда Магда Крейс вернулась из пансиона в свой Грейфсбург, ей было девятнадцать лет. Придёрживая рукой шёлковую платку, чтоб не забрызгало его грязное лицо, она обшла отцовское заведение. Всё было то же, что и два года назад: крутились валы паровой машины, шипел едкий пар, по бетонному полу стучали деревянные полшпиль мокрым прачкам.

Из смежной комнаты, где гладили бёльё девочки-сиротки, раздался крик, и Магда поспешила туда. Она увидела Анну Бринне, которая несенная удержала по лицу Мишу — одну из гладильниц — по левой щеке, по правой и плечу по левой... Миша, держа наверху тяжёлый утюг, шаталась под ударами и молчала. Оказалось, что Миша плохо разгладила складки на мужской сорочке.

Магда поморщилась и отступила — о, не этому учила её в пансионе! Когда Анна, горбясь и размахивая длинными руками, вышла из комнаты, Магда огляделась сиротко-гладильниц. Вот где, оказавшись, есть перемена! Девочки-подростки округлялись, порозовели, лица их уже туго сходились на их груди. И Мишу несмотря на красивые пятны, оставшиеся на лице от ударов, можно было назвать уже девушкой, красивой девушкой.

Спустя Крейс, когда дочь возвращается домой, понимал, что надо торопиться пожать плоды, взращённые в «пансионе невест». Магда стала носить с собою на семейные вечера, куда захаживали и холостые люди: её отпустили на загородные пикники, брали в кинематограф, на воскресные гулянья, на городские митинги, которые в тот год часто собирали ниндзя. И целые Магда показывала, что она не зря провела время у знаменитой Шарлотты. Но как-то так получалось, что в конце каждого вечера из неё проливали около Магды ничего не означавшее.

Незаметно прошёл год. Оскар Крейс забеспокоился, что же это за «пансион невест»? Может быть, молодым людям ему чужд общество? И, поразмыслив, он приказал фрау Крейс оставаться дома, а выдавать бёльё каменным поручица Магде. Это была прекрасная идея: каменити пра-

чечной бёльё главным образом холостые люди, и в «комнате выдачи» молодой человек и девушка оставались обычно один на один.

Однажды, войдя с улицы в прачечную, господин Крейс вдруг понял, что ничто не поможет, что зря это всё — и Бреслау, и Шарлотта, и её соусы, и окраска заборов.

Освещённый прямым полуденным светом, Магда стояла за белым прилавком. Божья Она её спутница с Анной Бринне. Как это могло случиться, что он до сих пор не видел, что дочь его просто некрасива, непривлекательна.

И пошёл дни, пошёл годы. Магда попрежнему показывалась то там, то здесь. Носкидано вышла замуж Миша. Парная подулужа, Магда пролакала всю ночь. Как-то подымались, безродные творцы. Без всяких писемонимых выхлопот замуж.

Утром, встав за белым прилавком, она почувствовала, что лицо её нымаст, подёргается. Дождывались, когда уйдёт посетитель, она прошла к гладильницам. Их, после ухода Миши, осталось двое. Они бёльё били поутруи собой, но Магда подошла к Ильдэ: в её движениях, во взгляде было что то такое, что должно нравиться мужчине. После утвита на белом прилавке, которую гладила Ильдэ, остался златый след. А может быть, и не остался...

— Ты прожигашь бёльё, дрищи — вскринула Магда.

И как это делала Анна Бринне, но только торопясь, она удержала Ильдэ по правой щеке, потом по левой... Ильдэ, ожидая новых ударов, отвела голову, и это избесило Магду. Она цинком святити поворачивала, будто выжившая, пока гладкая, упрятая куда девушки не выскользнула из её скротанных пальцев.

Но Ильдэ была не совсем сирота. На следующий день к господину Крейсу пришла красавица, с криксивым, вуальным голосом толстая женщина, называвшаяся тётей Ильдэ. Она бешувала добрых почасеа, грозил привести полицию в этого разбойничьего гнездо, где избивают детей.

После её ухода господин Крейс наустылся на Магду. Не надо было этого делать. Теперь эта криксивая женщина разнесёт по городу сплетни, и прачечная может лишиться заказчиков.

Магда слушала отца и не понимала. Как? Вместо того чтобы сразу вышвырнуть эту толстую корову за двор, отравить с ней какой-то разгоруи, оправдывавшая, толщёр обманет её, Магду... И за что? За то, что она проучила наглую девушку.

Вечером на собрании нацистской организации молодежи к ней подошла Оскар Лиде — несладкая привлекательная женщина в шутку зная «бутербродферер», потому что обычно на загородных пикниках он распределял взыску с собой провинно.

— Ты что сегодня такая злая? — спросил он Магду. — Не наглоталась ли ты иглол?

Она рассказывала про историю с отцом. Лиде рассмеялся.

— Не обращай внимания на этого староего, оживленного дурака, — сказал он. — Мы, молодые, должны быть безжалостны, как ягасло. Тебе наступила на палец — ты наступай на горло. Если ни на что не наступил, то все равно наступай на горло. Чем меньше людей останется на земле, тем лучше. Зато это будут настоящие германцы...

В один из апрельских дней 1942 года женское отделение лагеря, в котором содержались польки, подняли на час раньше, и четыре часа утра женщины, бжеас от холода, были уже выстроены в бараках. Стало известно, что приехала новая начальница женского лагеря.

Она начала осмотр с барака номер девять — бакинского к её коттеджу, где ей предстояло жить. В полуосвоенной форме, в кителях, на которых тускло поблескивала какой-то не известный ей полк орден, она медленно двигалась мимо измождённых женщин, освещённых неверным светом серого утра, стоявшего в окнах, и электрических ламп, висевших в бараке. Заметив женщину, у которой сквозь замкнутый шпигель лица проступала молодость, она была крестом, она подносная древно ремённого хамста к её рту:

— Возьми!

Та захмыкала ртом древно, и начальница, как на привизи, выводиала её перед строем.

— Пусти!

Освободив хамст, она шла дальше. Время от времени слышалась её спокойный голос: «Возьми!» и «Пусти!» В бараке на-

бросилось шестнадцать полк, которые были выведены перед строем. Она приказала надирательницам их переписать и проследовала в следующий барак.

К вечеру было сделано переименование. Все женщины, отмеченные начальницей, были посажены в одном из барков и освобождены от всякой работы: они должны были всегда на месте на случай, если начальница пожелала бы их видеть.

А она ждала их видеть по нескольку раз в день. Она приходила сюда, держа в руках только хамст. Две рослых вооружённых надирательницы, сопровождавшие её, бжеас лишь рабочей склад, которая освобождала начальницу от неуважной и грубой работы: поднять с пола упавшую, поддержать, перевернуть темя или оттащить на ягас.

— Этот барак скоро освободится, — говорила она помощницам. — Мы делаем маленькое дело. Но эти маленькие дела помогут фюреру освободить Европу от всего лишнего.

По ночам её посетил сон, который она часто видела с начала войны. Безмолвственные шестые германцы во Европе, радио, газеты, победные речи «фюрером», проломались, превратились во сие в гласительную картину: по голой, обезлюженной земле протянулись пустынная дорожка... Вот на дороге показало что-то тёмное... Оно растёт и растёт. От складного предчувствия грудно дышать... Там и остыл. Сто, двести, нест, тысячи рослых немцев, обгоняя друг друга, бегут по дороге... Впереди их женщины. Кик! Женщина! Но вот, эту женщину можно оставить... Она же сторуки! Это же ведь молодая Шарлотта Фогель! Она кричит молотам, и глаза её сверкают гордым бжеаском

— О, мы найдём Магду! Это лучшая невеста Германии! — Шарлотта лужаво подмигивает. — Только не знаю, кого она из вас выберёт!

И бжеас день — не сразу, но пришёл этот день, — когда сон с немцами, бегущими по дороге, оказался явь. Только они бжеас не к Магде, а вправо нес. А это случилось потому, что её голубая маалаин-ражка не проехала и километра от лагеря.

как была сбита в доружку канаву пяти-тонным грузовиком.

Выбравшись из машины, где её прилавно старая отцовский теледон, она стала подымать шиферы других машин. Она грозная, прослая, бжеас... Но нест так. Здоровый кабын проносился мимо. Она пошла, почему: скоро на дороге показались русские танки. Она сирталась за своим машиной и переждала, пока река танков везла.

Она выгнала из-за машины. И лучше бы она опять увидела русские танки! Нет, это шла по дороге женщинам из её лагеря!

Они, угдевшие, медленно передвигались поги. Их танку к родным местам — там то они придут в себя.

Но Магд показало, что они шла к ней, за ней...

Она бжеас от дороги в поле. Перебегаясь поде — и в этот асс. Он сирталсясь мисом: бы бжеас Магд увидела в нём толку спасительную зьму ствоавр и кустарника.

Подбегая к Лесе, она оглаулялась. Пятнадцать — двадцать женщин, сирнувр с дороге, шлаа содевр по заснеженному полю. Некоторым из них вытасили даже бжеас, но тут же останавились. Магд почему-то вспоминала паек, который далали заключённым, и удивилась, что нест так. «Можно бы бжеас давать ещё меньше», — неволью подумала она.

В Лесе снаг почти не было, и многие кочки держали ещё на себе ржскую осеннюю траву. Магд заметила лужайку, на которой асс бы гуще, темнее. Она побегала куда-то...

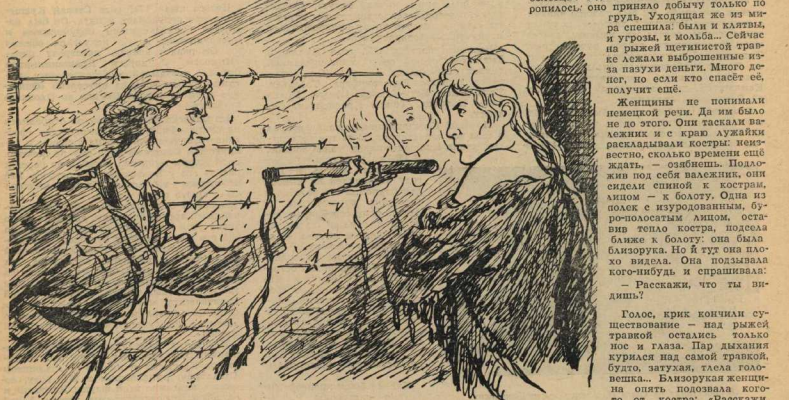
Вначале её показало, что она проваламилась в яму. Но ямы не было: земля лежала вплотную к её животу, как она лежала в влодонной стобла. Она сбжеас на неё, чтобы вылезти, но руки вместе с ржской шпигиной травкой упали вниз, а на тёмная вода, и она была бжеас какая-то хохотала тварь. Магд с омёрзшим выдернула руки. Ржская трапка исплалась, подыная на прежнее место и закрыва собой «бжеас крути воле».

Женщины собрались вокруг лесного болота и ждали коппа. Болотие же не то гурду, что привыкло добывать только по рпопмасс: оно приняло добучу только по груду. Уходящая же не мисра сипная бына и катывна, и угрозны, и моальба. Сейчас на ржской шпигиной травке лежала выброшенная из ржзу паухи денгги. Много денег, но если кто снабёт её, получат ещё.

Женщины не понимали польской речи. Да им было не до этого. Они таскали валежки и с краю лужайки расклевывали костры: невесты, сколько времени ещё ждали, — объяснил. Подложив под себя валежки, они сидли спиной к костре, аянув. Уходящая же не мисра из полск с изуродованным, бур-половатым лицом, оставив толку костре, подосала бжеас к болоту: она была балнорюка. Но ей тут сие плохо видела. Она подымала кого-нибудь и спрашивала:

— Расскажи, что ты видишь?

Голос, крик кончал существование — над ржской травкой оставалось только нос и глаза. Пар дыхания курнаса над самой травкой, будто, затухая, тасала головорещна. Балнорюка женщина опять подосвала кого-то от коста: «Расскажи, что ты видишь?»

— Возьми!

СТУДЕНТ АКАДЕМИИ

Так исполнен завешанье
Валевск пречков.
Шар земной мы полю
Привнем в облазнае.

В. Брюсов.

1

Мы мало знаем о детстве Степана Крашенинникова. Он родился в Москве 31 октября 1712 года. Отец его был солдат. Двенадцати лет поступил Крашенинников в Санктпетербургский университет, монастырь, а Славяно-греко-латинскую академию — учиться латинскому языку, красноречию и философии. Он был простого, скромного поведения и превзошел своих товарищей поведением, грамотностью и приложением в науках. Славяно-греко-латинская академия, по мысли Петра Первого, должна была служить рассадником образования. Степак учился в ней до 1733 года. За семь лет он дошел до класса философии и был затем отправлен в Петербург, в Академию наук.

Крашенинников прибыл в Академию в дни, когда в Петербурге намечалась одна крупная экспедиция. В Петербурге находилась в то время возвращившийся из дальнего странствия Витус Беринг. Затеялась новая посылка судов на Камчатку. Задачи намечались поистине грандиозные — посылка морского пути с Камчатки до берегов Америки, определение настоящего положения Японии по отношению к Камчатке, учреждение плавания по Аляутинскому морю к Камчатке, чтобы избежать трудного проезда по Сибири сухим путем. Достаточно хоть на минуту представить себе тогдашний уровень техники и транспортных средств, чтобы понять, что речь шла об одной из самых грандиозных экспедиций, какие только мыслились в то время.

Горячим сторонником новой экспедиции был сенаторский обер-секретарь Иван Кириллович Кириллов, великий патриот и любитель географических и статистических сведений. Он был хорошо знаком с канцеляром Берингом, который, получив предложение, тотчас же изъявил готовность предпринять второе путешествие. Экспедиция заинтересовалась академиком. Была разработана план пятилетнего экспедиции, которая, называясь Второй Камчатской, являлась первой экспедицией Российской академии.

Осуществительный ее состав был определен в 80 человек. Она делилась на три отряда. Первый, в который входили старейшины братья Лавтевы, Проничевы и Малы-

Академия наук СССР торжественно празднует в этом году свой двухсотдвадцатипятилетний юбилей. Основанная Петром Великим, Академия сыграла выдающуюся роль в развитии отечественной науки, в истории дискуссионного просвещения, русской культуры. С ней связаны имена многих ученых, списавших мировое признание, воздвигших своими трубами славу родной страны.

После Великой Октябрьской социалистической революции, приобщившей к науке и знаниям широкие народные массы, перед Академией открылись небывалые возможности научно-творческой. Ныне Академия наук СССР является подлинным центром передовой советской науки.

И сейчас, в юбилейные дни, мы вспоминаем первых питомцев Академии, прокладывавших пути русской науки. Одним из таких пророков Академии был Степан Крашенинников — замечательный русский учёный и путешественник.

гин, должен был обследовать район от Архангельска до Оби. Задача второго заключалась в плавании Беринга и Чирикова от Камчатки до Японии. Третий отряд под руководством профессора Гергарда-Фредерика Миллера и Иоганна-Георга Гмелина должен был заняться естественнов-историческим и историко-географическим исследованием Сибири и Камчатки.

2

В состав экспедиции входили присланные в помощь Миллеру и Гмелину казаческие студенты: Степан Крашенинников, Фёдор Полов, Алексей Горланов, Лука Иванов, Алексей Третьков. На студентов возлагались обязанности торговцев. Им было определено халявным каждому по пяти рублей в месяц, а «профессорам, у которых они в науках будут», предлагалось заработать то, что было студентам в свободное время преподавателей и обученные возвращались.

Восьмого августа 1732 года Миллер и Гмелин вместе со своей многочисленной свитой отправились в путь. Он делал через Казань, Екатеринбург, Тюмень, Тару, Омск, Усть-Каменн, Иртыш, Колывань, Кузнецк, Томск, Красноярск, Селенку.

Молодой Крашенинников жалово брался в себя все впечатления. И за три года путешествия Крашенинников узнал многое.

В 1734 году он ездил на Колымские заводы. В 1736 году отправился на Енисей для изучения его берегов и совершил путешествие от Аргунских серебряных заводов к теплым водам на реку Онон и оттуда — до Читинского острова. В 1738 году он посетил Баргузинский и Верхонский острова, Витим, Сайбук и Енисей. Он участвовал в географическом описании Лены от Верхонского до Якутска. Векну он вел точные и добросовестные записки своих наблюдений, которые, по положению, обязан был представлять академиком.

Как ни были пренебрежительно настроены немцы-академики к русским сту-

дентам, они невольно восхищались энергией, талантом, неутомимостью Степана.

В конце 1735 года, после трёх лет большого и утомительного путешествия, экспедиция прибыла в Якутск, где остановилась на один день. Молодёжь в длинные зимние вечера отводила душу на балах, которые чаще других давал якутский вождь. На одном из таких балов увидел Степан Крашенинников племянницу воеводы Павлуцкого Степанидишну...

Зима 1735—1736 годов в Якутске прошла весело и радостно для Крашенинникова. Степанидишка отпустила долу его, когда встречалась с коряками и должики с философами. И однажды на берегу Лены Степан, катаясь со Степанидой на салазках, объяснил. Девушка ответила согласным найти за него замуж. Но куда ужестко соединить на свои молодые жизни, было ещё не известно, так как немцы были даёмитивны перспективны всего Камчатской экспедиции.

Прошла зима, наступило лето, и снова наступила зима, а дальше много путешествия ничего не было слышно. «Когда же отправился дальше на Охотку, на Камчатку?» — спрашивала студентка у профессора. Но те только пожимали плечами.

Было похоже на то, что господа академики просто не хотят ехать дальше и подумывают о возвращении в Санкт-Петербург. И, действительно, в 1737 году Миллер, «немогиши выждать медленных приготовлениях к отправлению на Камчатку», решил поехать в обратный путь.

Но это означало, что глупая идея важной и дорогостоящей экспедиции остаётся невыполненной. Так и скажут в Санкт-Петербурге? Побоявшись ответственности, Миллер и Гмелин принимал за благо — отправить на Камчатку кого-нибудь вместо себя.

Выбор сразу же пал на Крашенинникова.

3

Пятого июня 1737 года Степан Крашенинников отправился на Охотку. Он был нагружен бесчисленными поручениями и инструкциями, но не испугался обаяния их. Он являлся вперёд, на встречу неизвестности. С дороги Крашенинников повсюду встречалось обстоятельные описания природы. Особенно интересны были описание пути от города Якутска до Охотского острова.

Из Охотки на Камчатку он отправился на судне «Фортуня». И хотя слово «Фортуня» означало счастье, на сузовое и неприятное Охотское море его не повезло. Злой шторм вырвал корабль на берег и разбил его у Большеречного острова. Вёв было много. Особенно Крашенинникова было смыто водой в море.

Впервые совершавший плавание, изучивший морской болезнью, добрался он до устья реки Большой в отлив рубашку. Но всё это он считал счастьем, а в сузовое и неприятное Камчатку. Он отточил же головой погрузился в изучение старинных дел Большеречной прибрежной избы, приказав каждому изловить для него по две рыбы каждой породы. Обучив местных людей производству метеорологических наблюдений. Он начал дело, которое продолжал затем до последнего дня своей недолгой жизни.

В течение последующего времени Крашенинников объездил почти все полуостров Камчатку и вместе с альбатском Спадомом, проживавшим в 1740 году, составил описание всей фауны Камчатки и островов, простирающихся между Азией и Америкой.

Иллюстрация из книги «Описание земли Камчатки», Камчатка с детьми.

«Праздник в Закарпатье».

Настал срок возвращения в Сибирь, в ставший миаым Якутск. Перед самым отъездом, во время одной из поездок по Камчатке, Крашенинников просидел и переписал тяжёлую албучную болельку.

Но, наконец, пришло час, составлявший в жизни Степана и истощавшийся Степанушкин. Они повенчались в Якутске, в соборной церкви. На следующий день в доме званым состоялся «брачный банкет», а ещё днём после молодая чета уже мчалась на перекалённых в Иркутске. Сидя в возе рядом с молодой женой, Степан Крашенинников подсчитал, что за все годы пребывания в Сибири и на Камчатке он проехал 25 773 версты.

Из Иркутска Крашенинниковы направились в Питер. Степан прекрасно понимал свой долг — создать первый обстоятельный научный труд о Камчатке. Это становилась целью жизни. Этому было теперь посвящено всё.

Санкт-Петербург. Васильевский остров. Российской академии, где неизменным секретарём была в то время Шумхер (Академия не имела в те годы президента), но энергично действует Михаил Ломоносов, только что вернувшийся из-за границы. До конца жизни своей Ломоносов старался вдохнуть русский дух в деятельность Академии, и в лице Крашенинникова он находил вернейшего единомышленника.

Нам хочется представить себе Крашенинникова тех лет. Одетый в европейский камзол, а приподнятом парике с булавкой, до конца своей короткой жизни сохранил Степан Петрович какую-то смуглость лица, на котором странствия и албучная болезнь оставили уже след. Умный, энергичный, взор, крупный нос и широкий, мясистой подбородок. Лицо, галдящее на нас в единственного сохранившегося портрета, говорит о волевом, упорном начале в этом человеке.

Пребывание Крашенинникова в Академии было связано с большими и сложными обязанностями. Помимо своей научной работы академиком должны были ухаживать фефёражи, писать приветственные оды, указывать, как надо устраивать двоякие вспомогательные классы, от них требовали даже составления гороскопов...

В 1750 году адъюнкты Крашенинников произносятся в профессора ботаники и описываются назначенные ректором академической гимназии и инспектором студентов. Степан Петрович очень серьёзно отнёсся к своим новым обязанностям. Он понимал, что воспитание юных учёных из числа русских молодых людей — задача очень важная. И отдавая этому делу много сил и внимания.

По новому уставу Академии наук от 1747 года, Университет и гимназия признаны были существенными частями Академии. «Россия», — говорилось в уставе по этому поводу, — не может не пользоваться, чтобы только иметь людей учёных, которые уже плоды науки своим приносят. Но, чтобы всегда на их учёбу благополучно направлять в науку как молодых людей, а особливо, что за первый такой учреждение академическое не может быть сочинено иначе, как из иностранных по большей части людей, а шире должно оно состоять из природных российских, того ради в Академии другая её часть присоединяется — университет. Чтобы число студентов могло всегда наполняться, то учредить гимназию,

при которой двадцать человек молодых людей содержится на конте академическом, и годных производить в студенты, а негодных отдавать в Академию художеств.

Днём Крашенинников читал лекции по ботанике, экзаменовал вместе с Ломоносовым студентов, трудился над составлением подробного описания Камчатки. Вечера он также проводил среди своих питомцев. Учениками гимназии были сыновья плотников адмиралтейства и канатных мастеров, сыновья солдат, т. е. те же самые простые русские люди, к каким принадлежал он сам и которых петровское царствование впервые приобщало к знанию. Крашенинников вечно помогал им.

Борьба с немецким засильем в Академии, которая отняла столько сил и энергии у Ломоносова, много стоила и Крашенинникову.

Работа Степана Крашенинникова имела огромный, почти новаторский для тех времён успех не только в России, но и за границей. «Описание земли Камчатки» было тутчас же переведено на английский, немецкий и голландский языки. Но немцы-академики из русской Академии науки восторждали книгу Крашенинникова а штыки.

Появились рецензии, больше инсинуаций. Немцы утверждали, что «Крашенинников был учеником Стеллера и в сочинении своём о Камчатке воспользовался тем, что было собрано об этой стране его наставником», хотя Крашенинников прибыл на Камчатку в 1736 году, а Стеллер выехал туда из Енисейска на три года позже.

Шум долго не унимался. Русские учёные, а лёгкой руки Михайла Ломоносова, избирались смелисты. Так, во время одной из академических перепалок Гергарду Фредеру Милалеру прямо было указано и поставлено в вину, что он не поехал на Камчатку, послал вместо себя Крашенинникова, а сам протопил болельку, остался в Сибири, пользуясь напроказ довать лет немалым изживанием от императорского вельчества, и оттуда ничего иного не

Иллюстрация из книги «Описание земли Камчатка». Езда на собаках.

привёз, кроме собраний из сибирских архивов, по большой части копий «грамот».

Шумхер весьма подозрительно смотрел на появление русских в Академии. Передавался его слова: «Яко великую просьбуху в политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессору». А другой академический немец, Тауберг, вопрошал, выжили: «Разве нам десять Ломоносовых надобно? И один там в тягость...»

Плохо здоровье и постоянная бедность отравляли Крашенинникову существование. В 1746 году он жалуется Академии на свою крайнюю нужду, на «необходимость с домашним прожитком, просит помощи. Такие жалобы повторялись неоднократно.

Борьба с немцами-академиками, болевая, «многочленная фамилия», тяжба с взысканиями — всё это не останавливало Крашенинникова в его научной деятельности. Он много и упорно работал. Замыслил он занят со студентами, читает лекции, издает свою «Камчатку», а летом занимался «устройство» в собрании и описании разгулущих вокруг Петербурга трав. Он всё также регулярно переписку с знаменитыми учёными тех времён. «Все имели доверенность к нему», — свидетельствует современник. Крашенинников перебрал в латинское сочинение Квинта Курция об Александре Македонском. Этот перевод очутился ценным и выдержал шесть изданий. В «Актах Академии в те же годы было опубликовано много статей Крашенинникова по ботанике.

Степан ШЦПАЧЕВ

СЫНУ

Ты скоро пройдишь, мой мальчик,
Зелёного детства тропу
И гладким зачёсом заменишь
Мальчишескую чёлку на лбу.
А там — и моря, и горы,
И в звёздную ночь сольвонь...
И кто сосчитает вещи,
Кто сделает руки твои,
И кто перечислит названия
Тобою прочитанных книг?
Но ты не только по книгам
Узнаешь, как мир велик.
С фабричной советской маркой
На складах лежат сапоги...
Расть, мой белоголовый,
Дороги твои далеки.

25 февраля 1755 года Степан Крашенинников умер. Последний лист его труда «Описание земли Камчатка» был уже отпечатан.

Смерть исследователя Камчатки оплакивалась все перлодные люди России. Он был из числа тех — пиитет современник, — кои ни знатно природою, ни фортуны благодеянием не прелюблены, но сами собою, своим качествами и службою, принося в люди, кои ничего не замечают от своих предков и сами донын называются начальниками своего благополучия».

Соратник Ломоносова, энциклопедист по своим научным интересам и работе, Крашенинников прежде всего был страстным патриотом своей родины, исследователем и покорителем её природы.

«Описание земли Камчатки» — монументальный памятник русскому землеведению. Эта книга полна свежести, яркости, красочности бытовых зарисовок. И в то же время она научно точна и солидна.

Имя автора этой книги Степана Крашенинникова, чья жизнь dealком была отдана познанию богатств родной земли, останется неизбывным для Академии и всей отечественной науки.

«АДМИРАЛ НАХИМОВ»

Сверху — заслуженный артист РСФСР А. Д. Дикий, снизу — А. Д. Дикий в роли адмирала Нахимова.

Проклявленная Одесса... На рейде у её берегов необычного анда суда — парусный флот середины прошлого столетия. Эта флотилия построена специально для съёмок кинофильма «Адмирал Нахимов». Сюда, за окнами шальмовые съёмки в Москве, прибыла киносъёмная группа, возглавляемая постановщиком картины В. Пудовкиным. В окрестностях Одессы будут изображены Синопский бой и Севастопольская оборона, а дни которой во всю ширь развернулся талант адмирала Нахимова. Кадры, снятые здесь, займут центральное место в фильме.

Роль героя обороны Севастополя — адмирала Нахимова — исполняет режиссёр и актёр театра имени Вагарилова Алексей Дикий, памятный киноактерам по фильму «Фельдмаршал Кутузов», в котором он сыграл замечательный образ великого русского полководца.

— Главное, чего я хочу до-

стигнуть в этой роли, — рассказывает А. Д. Дикий, — это показать широкий диапазон характера Нахимова, обладавшего скромностью до застенчивости и силой до агрессивности. Мне хочется, чтобы артисты, увидев на экране адмирала Нахимова, почувствовали огромное обаяние этого храброго, преданного отчизне человека, связавшего свою любовь на родине.

«ПРИДАНОЕ С ВЕНЗЕЛЯМИ»

В повести А. С. Пушкина «Метель» есть строки: «Между тем война со словом была кончена. Поляны вновь обрабатывались, жила травица. Народ бежал из наветруны. Офицеры, увидевшие в поход поныне отроковиц, возмущались, возмужав на бранивом воздухе обильные крестами. Солдаты весело разговаривали между со-

«ВЕСНА»

Всегда музыкальная комедия — любимый жанр, в котором за прошедшие многие лет совместно работали кинорежиссёр Григорий Александров и артистка Любовь Орлова. Очередная музыкальная комедия, съёмки которой недавно начались, называется «Весна» (авторы сценария — Г. Александров, М. Слободской и А. Раскин, музыка И. Дунаевского, текст песни В. Лебедева-Кумача).

Компьютные ситуации в фильме построены на парадоксальном внешнем сходстве двух действующих лиц — актрисы и учёной, роли которых исполняет Любовь Орлова.

— Обе героини, — рассказывает Любовь Орлова, — внешне чрезвычайно похожи друг на друга, — тем не менее женщины разного характера и темперамента. Это, естественно, усложнило мою задачу. Кроме того каждый образ потребовал длительной специальной подготовки. Так, моя актриса знает искусство балета, и я вынуждена упражняться на балетном станке. Они хорошо играют на рояле и пиют, и поэтому гаммы и актрисы вошли в мою ежедневную тренировку.

В роли женщины-учёной я стремилась дать образ человека, целиком углубившегося в решение научной проблемы и ради этого самоограничивающего себя до абсурда. Мне хочется, чтобы наш фильм открыл глаза таким «отщепенцам» на всё прекрасное, что дано нам природой, искусством, наша яркая современность, ибо это служит источником вдохновения, помогает созидательному труду.

На съёмках фильма «Весна». За столом (слева направо): артист Э. Гарин, заслуженная артистка РСФСР Любовь Орлова и заслуженный деятель искусств режиссёр Гр. Александров.

бой, вставшая поминутно немедве и французские слова. Время незаметно! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отчизной! Как сильно были слезы свидания!»

Теме победного возвращения русских войск после войны

1812 года посвящён фильм «Приданое с вензелями». Автор сценария и постановщик И. Савичко положил в основу сюжета ситуации из старинного русского анекдота Фёдорова «Аз и Форт». Приданое с живыми буквами в вензеле богатых отбегавши за собой племяннице Любушке, с условием, что та найдёт до совершеннолетия жениха, чьи инициалы сохлослись бы с буквами вензеля. Срок истёк, и отец Любы, боясь уступить, наседатель, ринулся на поиски жениха среди победителей, возмущавшихся из-за гривини...

Главные роли в фильме «Приданое с вензелями» поручены молодым актёрам Н. Гринёву (Фадеев) и Е. Шевцовой (Любушка). Это их первая работа в кино. Кроме того в основных ролях сыграны С. Столяр, М. Штраух, А. Павлова, А. Лисинская.

«Приданое с вензелями». Артистка А. М. Лисинская в роли Акульки.

Наступила пора натурных Экспедиция вошла на летний лагерь. Азлю и на лагерь роком злоумышленники сидят на лагерьского Союза. армия начит риды картин. Девочка о ниде ственных инициалов кинематографической фильма.

«БЕЗ ВИН!»

Пьесы знаменитого драматурга русского уже не жаль. Сейчас на экране есть фильм в его «Без вина».

Автор сценария Ш. М. Бондарик и режиссёр Кривичев в жизни провинциального театра. Фильм показывает анимальный распад, который вступает в процесс слов.

Роль Кручинной сыграла А. Тарасова. Бондарик предвещает коякого Хуанитра в актёрского фильма. Маловат в А. Грибов (Муров) и (Милославская).

Народная артистка А. Тарасова в фильме «Без вина».

И Ч Е С К О Е Л Е Т О

... — горячая
интервью.
добрых выхаживает в Одессу
и в Бродово
на Бюльваре
Больша со-
новых фильмо-
в производ-
ствика Совет-
в ближайшей
связки ещё
ть на раскоп-
художествен-
фильма, снима-
фильма «Мос-

ИНЫ

... фильмо-
русе-
А. Н. Осе-
раз получены
на экран-
фильма сим-
весе Остров-
заниматель-
и в постанов-
при расширен-
а новой кар-
макеры актри-
сына на фоне
дального рус-
ского времени,
фильма про-
пор и юру его
фильма не
служил пред-
ставления для
публики.

... новый исполнит-
фильма СССР
на синемато-
фильма Мос-
фильма тем-
коллективе
фильма сини-
фильма МУХАТ
фильма В. Стан-
фильма В. Ливанов
фильма Массальский

... фильма СССР А. К.
фильма Кривошия
фильма виноватые,

«ГЛИНКА»

«1812 год.
Планы пожарник. Гул раска-
чиваются в дугу и алмаши
козлакоза.
Позовки, телеги, брячки, ли-
нейки, кареты...
Большой смоленский тракт.
Бесконечные и медленные
пожарники. Люди уходят, спаса-
ются от врага.
Четверка лошадей тянет
большой дормез. На крыше
дормеза узлы. На узлах — де-
вушка и старик-буфетчик, еле
видные за столом пыли. Сбоку
от дормеза несет копнатыми
туфлями пыль юнга. Илья Нико-
лаевич Глинка. Илья Нико-
лаевич держится в седле при-

го колокола должен быть свой
музыки!
Протажное «А-а-а» Михаи-
ла. Молчанье. Колокоза. Миха-
ил шевелит губами, восторжен
только ему одному востанье
сочетания звуков. Новый во-
прос гетов срывается с губ его,
но издалико адрут доносится
попыа, и Михаила застывает с
получитрытым громом.»
Тад, после за прологом начи-
няется сценарий кинорежиссёра
А. Ариптана, посвященный
великому русскому композитору
М. Глинке. Съёмки фильма
«Глинка» уже начались на
«Мосфильме».
Роль Глинки юности и зрелости

Земляки костюмов к фильму «Глинка» (художник—К. Урбетис).
«М. Глинка среди дворового оркестра».

мо и крепко натягивает про-
водки. Жена его дремлет в до-
рмезе, отпущен голову на шлохо-
вую подушку, покрытую слоеном
пыли. Напротив неё поживаете
дворная девушка. На груде
подушек маленьким изломом
воссекает сын — Михаил. В
ногах у него Яков Ульянич.
Выступив художьюо шью и
блестя чёрными бровями, глаза
Михаил направленно презудни-
вается к дальним перозонам.
Губы его незлышно вторят узар-
ным колокозам.
— Ульянич, а почему следи
тойкой топей?... Ну, как ма-
моськина меничник... тойкий-
протоякий!.. А другою — тол-
стый, как дьявошка Афанась
Алфредин, толстый и гудый...
А эти как будто шлокоят друг
друга... шлокоят, шлокоят... Ну,
почему они так? А Ульянич?
— Кто, Михаил Иванич?
— Яков хлопает ресницами.
— Да колокола!
— Ах, так вы про это... —
сообразает Ульянич. — Пола-
гаю и, Михаил Иванич, у каждо-

овер «Русал и Людмила» и
«Илья Сусяни» исполняют ки-
ноактер Борис Черков. Глинка-
ребёнок (в возрасте от 8 до
10 лет) будет играть юный му-
зыкант, воспитанник Централь-
ной музыкальной школы при
Московской консерватории
Александр Соболев.

«Каменный цветок». Слева направо: оператор Ф. Прохоров,
режиссёр А. Слободкин, художник Г. Мясников, автор сценария
писатель П. Бажов, художник М. Водинов, режиссёр-
постановщик А. Птушко.

«НАСТОЯЩИЙ ПАРЕНЬ»

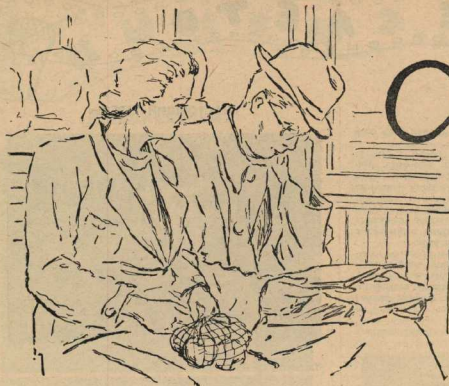

Народный артист РСФСР Михаил Жаров в роли старшины
Семёбаба в фильме «Настоящий парень».

Из трёх новых ролей, которые сейчас готовит в кино артист
Михаил Жаров, — две комедийные.
— Я люблю людей, — говорит М. Жаров, — у которых есть и
чувство юмора, и грустная улыбка, и буная жажда жизни. Лю-
бим изображать их. В комедии «Настоящий парень», как мне
кажется, и играю именно такую роль — начальника аэродрома
гвардии старшины Семёбаба.
Работа в этом фильме для меня вдвойне ответственна; я впер-
вые выступил в кино не только в качестве актёра, но и режиссёра.
В фильме «Близнецы» (режиссёр — К. Юдин) и исполню роль
сначала сына, а затем сына гиторага, как шаю именуе себя
герой картины Еропкин.
Двое детей-близнецов, потерявших во время эвакуации своих
родителей, находят приют и ласку в семье двух сестёр. За од-
ной из них, электронотёром Любкой (артистка Л. Целковская),
ухаживает Еропкин, и дети «мешают» ему. На этом несложном
сюжете развиваются образы чутких советских людей, и людей,
к сожалению, не знающих ещё, что такое чувства любви и долга.
К этому типу нрав принадлежат и Еропкин, которого мне хочется
высмеять.
И, наконец, я продолжаю работу над образом Малюты Скря-
това в фильме «Иван Грозный», вторую роль которого снимает
сейчас режиссёр Сергей Эйзенштейн.

«КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»

Молодые художники-декора-
торы, выступили художественного факультета Государ-
ственного института кинематогра-
фии, М. Богданов и Г. Мясни-
ков с первых шагов авлоэалит
принятия. Их первая работа в
кино — эскизы декораций к
фильму «Дмитрий Донской» —
была оценена как незаурядная.
Сейчас И. Богданов и Г. Мяс-
ников работают над декораци-
ми к большому цветному фанта-
стическому фильму «Каменный
цветок» по сценарию автора
«Малышковой» писателя
П. Бажова. Постановщик кар-
тины — режиссёр А. Птушко.
Работа художников занимает
в этом фильме большое место.
Всё картин связано с декора-
ция, натурных съёмки не бу-
дет. Около сотни эскизов, вы-
полненных художниками для
фильма-эскиза о богатстве
уральских лесов и самолюбия
таежных русских мастеров,
уже утверждены. Для сооруже-
ния декораций будут широко
использованы пластические
массы и искусственное стекло.

Рассказ

Рис. Г. Бедлера

Строгие Глаза

В

первые и увидел её на остановке «Сквер». Я выслушал голову из окна «рамная, а она в это время болталась со скамьи и упругим, лёгким шагом быстро пошла к вагону.

На ней была серая шерстяной костюм, простой и красивый. Когда трамвай двинулся, я обернулся и увидел её на скамье, рядом с собою. У неё были серые глаза и золотистая кожа лица. А на кончиках, в тонких перелачинах грабической сорочки, лежали яблоки. И до сих пор, как только я улавливал запах яблок, в воображении ярко вспыхивает это встреча, будто уголок моей памяти озаряется солнечным светом.

Соседство в пути даёт право на разговор. С улыбкой улыбкой и повернула к девушке... И не сказал ни слова, встретил протестующий, строгий взгляд.

До завода «Сталь», где и собирал материал для диссертации о коррозии металлов, ехать надо было сорок минут. Сорок свободных минут! Я отрываю их читать. Я посмотрел в окно на быстро движущиеся деревья и вышки, затем раскрыв тоненькую книжку Ирвинга «Рин Ван Винкель». С первой страницы смотрел карикатуры с белой бородой, одетый в старинные голландские платья.

Я прочитал страничку и, прежде чем перевернуть листок, стал рассматривать рисунок. И, не поднимая глаз, почувствовал, — может быть, по едва уловимому движению головы соседа, — что глаза её опущены тоже в мою книгу. Я пожедал. Она слегка подняла голову, и я понял, что она дочитала последнюю строку. Тогда я перевернул листок и с внешне охватившей меня радостью заметил, как она опять наклонила голову.

Страницу за страницей мы читали чудесную сказку о добром и неудачном

Рисе, который проглотил волшебного папика из кубка таинственного карлика и забылся на много лет.

И ни разу не взглянул на свою спутницу. Бесконец раз улавливая её лёгкое отклонение головы, и переворачивая страничку. Только в самом конце книги я осторожно поднял глаза. Я не знаю, как она это заметила: её опущенные ресницы задрожали, и, чуть смутясь, она перевела глаза к окну, в котором уже мелькала маленькое домище окраины...

Когда над домиками поднялись высокие коршуны гонимая, она встала и исправила её к выходу. Она не обернулась и вышла, оставив во мне грустное чувство обиды. И только на самый короткий миг на лицах ветра встретились, когда трамвай, обгоняя и озирая её солнечными бликами, помычалась дальше. В этот день я работал с упоением...

Я увидел её снова на следующий день, в тот же час, на той же остановке. В трамвае было только одно свободное место, рядом с розовошёрстным аллювиальным гражданином. Она села, и он тотчас принялся ей что-то рассказывать, смеясь и блясти золотым зубом. И мне почему-то было приятно, что она не слушает и расселино смотрит в окно. Уходя, она не взглянула на меня, и до самого завода я всё спрашивал себя, заметила ли она меня в трамвае.

Но прошло два дня, и она опять села рядом со мной, и на кончике у неё опять лежали яблоки. Сядешь, она взглянула на меня, и в этом взгляде непререкаемо были строгость и неприступность. Безотчётная радость, вслыхнувшая при виде неё, померкла. Я встал доста из портфеля раскраску Уэлса. Цветная обложка изображала некое существо, столь же похожее на человека, как и на летучку. В книжке было 32 странички — как раз столько, чтобы прочесть её до остановки «Новая больница». И мы прочли её вместе, ни разу не взглянув друг на друга.

Стала солнечная осень. В хрустальном воздухе уже падали золотые. А по утрам прозрачной дымкой застилал туман и блястел мокрые от росы крыши. Но никогда трамвай отходила без неё, и тогда утро тусклое... Впрочем, это было редко. Чаще она садилась рядом со мной, на место, которое и сохранила для неё всякими хитростями, и до «Новой больницы» мы читали. Каждый вечер и заходила в клуб. Библиотекарь кала порою мной толстым том металлографии и улыбался, спрашивал:

— А не балластрики что-нибудь занимательное, не больше 30 страниц с картинками?..

Мне казалось, что библиотекарю о чём-то догадывается, и я с досадой чувствовала, что краснею.

И до сих пор не знаю, почему и просил книжки с картинками, да ещё цветными. Может быть, и втайне раскрасками привлек её взор к книжке яростные карикюнок?.. Но ведь она совсем взрослая. И притом у неё такие строгие глаза.

Но однажды библиотекарю была чьё-то заблуждение и дал мне книжку цветную и без картинок. Это была повесть, повесть о первой любви. Я с трепетом подумал, будет ли она читать эту книгу. Ведь до «Новой больницы» такую повесть не прочтёшь.

Когда на следующий день, раскрыв книгу, я молчком взглянул вправо, в серых глазах моей молчаливой спутницы я уловил нерешимость. Я прочёл первую страничку один. И... ничего не пошла. Тогда я стал читать второй раз, и опять у меня ничего не осталось в голове. Не знаю, что отразилось в моих глазах, когда я их поднял на девушку, но, опуская их опять, и с чудесным облачением увидела, как склонилась к книге и её голова. И затравленного дня я ждал, как дня условленной встречи, дня свидания.

А на другой день она пошла бадиная, с трювжкими блеском и гавзак. Складная губы к маленькому букету, бережно обёрнутому в бумагу, и так, чуждая всему, кроме этих основных грустных роз, ехала до своей обстановки.

Десять дней с лица её не сходила замкнутость и тревога, и девять дней и не осмеливалась раскрыть книгу. Я возненавидела себя за то, что не заговорила с нею раньше. Может быть, и бы знала теперь, что она и куда ездит каждое утро в один час со мной.

А на десятый день она села рядом со мной, и лицо её было, как у больного после кризиса. Поальны участия, я быстро повернулась к ней. Но она мои губы шевельнула, чтобы прожести печаль, обращённое к ней слово, как их сковала её строгий взгляд...

Потом я получила телеграмму и уехала в Москву.

Что-то случилось, кто-то из оппонентов заболел и защиту моей диссертации отложили. Я ходила по городу и в каждой мигущей мне навстречу стройной девушке видел её.

Наконец, профессор выздоровел, и я прочитала свой труд. Последний оппонент говорил басом и сарказм. Его прославляемое имя я всегда произносила с трепетом. Я думал, что он хочет меня «срезать», испугался и обрушил на него все доводы, которые привёс для заключительной речи. Когда я кончила, он всколыхнул, сжал мою руку пощипо дождя и пробасил:

— Смело! Что и требует! Поздравляю: вы самый молодой из кандидатов.

Надеваю спуска и снова подлезала к городу, где рано утром в трамвай входила девушка со строгим взглядом серых глаз.

И я снова увидела её.

Она сунулась на первое свободное место, скользяла по вагону рассеянным взглядом и, не задержав его на мне, даже не заметив меня, нетерпеливо взглянула в окно.

Я стаа смотреть ей в лицо. В нём, как ослеплённые бабки, что-то трепетало, нежное и радостное. И я всем существом почувствовала, что не увижу её больше никогда, и бесотчётно вышла вслед за ней.

Она прошла через нациста к госпиталю тем же утренним шагом. Швейцар распахнула перед ней чудную калятку, и сквозь решотку я увидала, как быстро замелькали её ноги по красному гравию дорожки, между облепешими кустами сирыни.

Спусти некоторое время она вышла из госпиталю, крепко держа под руку офицера с багровым рубцом поперек лица. Гада девушка излучала теперь столько счастья и любви, что я незвольно позабыла её ступицу.

Я снова шляяла и почтительно поклонилась им обоим.

И она улыбнулась мне, и её прекрасные глаза взглянули на меня приветливо и благодарно.

Подмосковный пруд.

Фотограф Г. Борисова.

Семён ГУДЗЕНКО

БАЛЛАДА О КОМЕНДАНТЕ

От болота или выстрелов
плыл над рощей туман.
В горном городе

под Быстрицей
ранен в руку капитан.

И, когда пошла дивизия
на другие города,
капитана срочно вызвали

и назначили сюда
комендантом.
— Чтoб немедленно
был порядок наведён.

... Три солдата старослужащих —
весь военный гарнизон.

То ли дел с батальоном
по Европе проходить,
под гвардейскими знамёнами,

как под русским небом, жить.

А когда один оставшися
в иностранном городке,
очень долго время таетеся,
как в разлуке и тоске.

Только радиоприёмники
из Москвы, из-за Карлат
о далёкой милой Родне
задушево говорят,

да солдаты проходящие
остановяся на час,

о себе расскажут коротко
по-армейски, без прикрас.

Комендант рассказ послушает,
привселенит гарнизон:

Где теперь друзья-товарищи?
Где теперь наш батальон?

...Если в отпуски ли госпиталю
ты поведешь тем путём,
обязательно под Быстрицей
размыши зелёный дом.

★ ★ ★

ПОСЛЕ МАРША

После марша и ночной атаки
нашу роту посетила грусть:
нам под Банской Швейцарией
Пушкина читали консуэту.

...Можно встретить в Вене земляка,
без асти пропавшего в июне.

Вот была же встреча накануне
с братом у счастливого стрелка!
Но когда мы с Пушкиным в горах
заглядели негодяно, неожиданно,
загустел о родине козак,
и глаза кольнула капитану.

Славянка.

★ ★ ★

ЭТО БЫЛО В ЮГОСЛАВИИ

Рис. Д. Дубинского

ТРУДНАЯ НОЧЬ МАРТИНА

Мартин убил предателя. Он убивал их уже не раз. Было это днем, на улице Загреб. Предатель остановился у витрины, Мартин подошел и выстрелил. Он был хорошей стрелок, и негодяй умер прежде, чем коснулся земли. В Югославии говорят, что у предателя черная кровь. На асфальте кровь была почти черной. К пробитой пулей витрине, к упавшему со всех сторон бежали люди. Мартин скривил во дворе, перелез забор и ушел тихим переулком.

Но какая-то нить попала в руки гестапо. Ночью в квартиру, где жил Мартин, вошли люди полицейские. Мартин встретил их пулями. Он был хорошей стрелок, и на каждый выстрел отвечал пулей или падением грунтового тела. Семерых Мартин убил: они лежали у порога его комнаты, свалившись кучей, как небрежно брошенные мешки с зерном. В коридоре были крики, стоны и брань; значит, он ранил многих. Полицейские тоже стреляли. Им удалось ранить Мартина. Но прежде чем потерять сознание, он расстрелял все патроны своего пистолета, и каждая пуля нашла мишень.

Потом его, почти безжизненного, схватили.

Мартин очнулся на носилках: он чувствовал боль и слабость, и не стал открывать глаза; в бессония была его защита.

Эти эпизоды недавнего прошлого написаны по рассказам югославских товарищей. В них действует героическая молодежь Югославии. Имена многих героев неизвестны: их тысячи, и они не думали о славе — они думали о родине, о свободе, о своей народ, который никогда не склонялся перед иноземными захватчиками.

Пока он без сознания, ему ничто не угрожает: ведь поминки захочет выведать сведения о других партизанах. И он лежал, не подавая признаков жизни.

Когда он открыл глаза, в комнате было пусто и двор оставался приотворенной. Полицейские думали, что Мартин не доживет и до утреннего допроса: слишком долго он оставался без сознания. Кроме того они были измучены стучкой, гибелью семерых и сейчас кричали в соседней комнате, рассказывая и споря.

Мартин встал. Его шатало; осторожно выгнулся в коридор: никого! И, прежде чем доложить усталому прикурить и вернуться на пост у дверей, Мартин выскочил в темноту. У камины дремала часовая. Мартин медленно двинулся вдоль высокого каменного забора, потом попытался взобраться, но камень был гладкий, а сил мало.

С трудом ему удалось влезть на забор, затем осторожно сполз на другую сторону: мешала рапа, руки были бессильны, кружились последние мысли, он поспешно уходил прочь.

Раздетый, в намоченных повязках, он шел по улицам Загреб. Он шел Верхним городом, улицами улицами, мимо старинных зданий. Мартин радовался, что в Загреб затемнели. В ночь сумрачной тенью возник древний собор. Времени от времени Мартин прислушивался к стене, чтобы отдохнуть. Над узкими переулками сверкали звезды.

Потом город кончился. Дорога уходила в горы. Светало. На дороге было холодно, только в лесу, под елями, еще берегло тепло. Хотелось лечь. Тепло было тяжким. Ноги сваливались плашко. Но он упорно шел — к партизанам...

Когда в землянку пошел командир, Мартин приподнялся и сказал: — Я выполнил приказ. Предатель убит. Ночью придала полицейские, я остраивался, семерых убил и многих ранил. Потом меня подстрелили, схватили, доставили в больницу. Но я ушел.

И Мартин улыбнулся, Он сказал всё.

СЪЕЗД В ДВРАВЕ

В мае 1944 года был назначен второй съезд Антифашистского союза молодежи Югославии. Съезд решил провести в городе Дрвава.

Когда об этом узнала молодежь Дравра, она обрадовалась. Но радость сменилась заботой: город разрушен, где найти помещение?

Обошли весь город. Самой большой из развалин была фабрика, взорванная немцами.

— Добре было бы собраться в цеху! — сказала кто-то.

— То истина! — поддержали другие. В конце концов это можно было сделать: убрать разрушенные стены, кое-что восстановить, стены заново настелить крышу, навести окна двери; потом побелить, покрасить, сделать скамьи. Будет настоящий конференц-зал!

Нужны доски и бревна. Город Дрвава окружен горами: с улиц видно высокие Скамьи. Но на ближних высотах лес вырублен; надо забираться дальше, в горы. А на чем везти? Нет ни машины, ни колес, ни муров. Вернее, всё это есть, но это нужно Народной армии.

И все-таки молодежь Дравра упорно работала: она восстановила узкоколейку, взорванную немцами, — дойти километром изгнанного горного пути. Старейший паровозик потопили в горы пустые платформы, он дымя дымом своим шинным комом его толкали вперед.

На фабрике нужно осветить. Можно найти свечи. Но в большом помещении при свечах будет почти темно. Нет, это слишком темно для такого праздника! Удастся отыскать турбину. Оставалось теперь повернуть вешать горную реку Унац, что течет недалеко от Дравра, направив ее к городу, установить турбину.

А в это время со всех концов Югославии, по делам и горам, занятым немцами и усталими, где на площадях стояли висюльки, прибывали в Дрвава делегаты съезда.

Платина была построена. Унац запущен, поднимался и хлынул в город. Турбина работала. Но теперь оказалось, что нужны проводка и электромотор, которые в городе нет: экономя, юноши копались в руинах.

Тогда добровольцы отправились в занятые немцами большие города — Загреб и Аугсбург. Они шли горными тропками. Юноши обматывали себя проволокой, девушки под платками бережно носили лампочки, которые скоро выключат освещательным светом. Они рисковали жизнью, но тогда в Югославии рисковала жизнь всякий, кто хотел жить.

Съезд состоялся.

Делегаты останавливались в уединении, когда из развалин они вошли в просторный, удобный, светлый конференц-зал.

На этом съезде было вручено почетное звание молодежи провинции Авлие: она победил в соревновании. Там собрали наибольшим урожай для Народно-освободительной армии Югославии. А собрать приходилось в районах, занятых врагом; вырывать из сложной глотки немцев и усталими.

Двадцать пятого мая немцы сбросили парашютный десант, пытались захватить штаб маршала Тито, который находился тогда в лагере Дрвава.

В городе уже не оставалось десантов съезда: они разошлись. Только в малень-

...в намоченных повязках он шел по улицам Загреб.

В столице Чехословакии Праге. Герой Советского Союза лейтенант М. Филимонов среди жителей Праги.

Фото С. Короткова.

гом полуразрушенном доме заселили члены Дзержинского комитета Антифашистского союза молодежи. Их было семеро. Немские парашютисты окружили дом; семерым предложили сдать; они ответили отказом.

Началась осада дома: среди руин. Осада длилась четыре часа. Семеро дзержинских героев убили тридцать немцев.

И погибли сами. Там погиб Зата Османович. Там погиб Босич. Там погиб секретарь Дзержинского окружного комитета молодежи Юрица. Когда был освобожден Белград, маршал Тито послал молодежи Дзержинскому. Он благодарил за героическую борьбу; он писал, что всегда будет помнить помощь, которую молодежь Дзержинского оказала Народно-освободительной армии.

СЛАВА ТОНЧЕКА

Выпестанный, безжизненный двор. Две старые липы поднимались над невысоким забором из камней, обсаженных галной. У широкой и низкой казармы выстроились солдаты в серо-зеленых мундирах. Тени протянулись далеко позади них, легли на выветренную стену, розовую от солнечного света.

Утреннее солнце светит в ундр в эти сетки, озубоватые липы. Солдаты мурлыкают. Они перемываются с ног на ногу; сейчас будет перекачка; уже идет лейтенант.

Внезапно в шеренги солдат ударила смерть, сила их, расширяя; многих промчал навзничь на сухую землю плаща, сломал, разогнал вопиющих от страха; один бросил оружие, кинулся обратно в узкие дворы казармы и струсилась, мешая друг другу; ни всад громла пулемёт с камен-

ного забора, и они падали у дверей, так и не успев укрыться в привычном полумраке казарм. Другие метались на пустом дворе у розоватой в утреннем свете стены, тиснено иша укрытия.

...Когда немцы ономинались и ответные пули стали сбивать липы с лип, Тончек и его брат отступили от некоего каменного забора. Они перебежали к старым деревьям, затем к сараю, потом к реке; они не побежали к мосту, к дороге, где можно наткнуться на патрули и обстрел; они кинулись в холодную воду быстрой реки. Всад, крича и стреляя, бежали немцы; но смеячки были далеко; Тончек пал, держа над головой ручную пулемёт.

Так они перешагали две реки и ушли от погони.

В этом нападении двоих партизан на немецкий гарнизон погибло двадцать оккупантов. Районцы Тончек не считал; раненый враг может поправиться...

Тончек стал партизаном в дни, когда гитлеровцы напали на Советский Союз; своим оружием он выбрал пулемёт, и с его славой Тончека разнеслась по родной Словении.

Партизаны стояли в селе Дражтошах; их было 180 человек. Нашлась в селе иудея; сообщила немцам. И целая дивизия — 15 тысяч штыков — окружила партизан. Хорошо ещё, что партизаны вовремя заметили врага; они поднялись на поросшую лесом гору над Дражтошами. Здесь партизаны укрывал вековой бор, родное леса Югославии. Немцы наступали по открытому месту, где были невысокая гряда и мелкие камни; они поднялись на белой дороге, карабкались вверх по каменистой осыпи. Навстречу из бора гремели партизанские пулемёты. Огонь била убий-

ственно метким, и раз за разом, не выдержав, немцы кидались назад; они бежали, спотыкаясь и размахивая руками, бежали и падали, и многие больше уже не поднимались.

Вскоре дорога и полные горы были завалены трупами. Триста двести немцев погибли у села Дражтоши; трети из них были убиты партизанским пулемётчиком Тончком.

Внезапным ударом партизаны вырвались и ушли; они потеряли только пять человек.

В злобе немцы сожгли Дражтоши. В официальном сообщении они объявляли, что против них дрались не партизаны, а кадровые солдаты югославской армии.

Об ее Дражтошей знают в Югославии каждый ребенок, каждая старуха. Они гордятся: «Это было, когда Тончек и другие убили 1200 немцев». Они говорят с гордостью, с нежностью: «Наш Тончек убил триста немцев».

И вот третий случай.

Мягкий снег покрывал горы; Тончек слушался; весело вели лыжи. Тончек итадей легая лыжи, ручную пулемёт висел у него за плечом. И внезапно увидел идущий по дороге вражеский патруль; Тончек легая прямо к немцам. Мгновенно он поставил лыжи ребром; снежная пыль взлетела облаком; затем вереница молний прорезала облако.

Прошло несколько минут. Всеёды партизаны Тончек бежал на лыжах дальше. Поздней, на повороте горной дороги, лежали немцы; девять мертвых и семеро тяжело раненых. Так кончилась встреча немецкого патруля с Тончком...

Теперь вы знаете, почему молодежь Югославии гордится Тончком.

На эскижном проекте уток новго, будущего Крещатика,— центральной магистрали Киева, разорванной ой руин.

Проблема восстановления и реконструкции Крещатика — это, по существу, вопрос об организации центра города. Обычно городским центром является площадь. В Киеве возмозженна была здесь центр города — Крещатик, п. е. улица, а не площадь. В этом сложившейся анализ, стоявший перед архитектором. Рассмотрев Крещатик как центр улицы, мы стремимся создать новый жилой организм, логически и композиционно построенный и функционально оправданный, являющийся инициальной жилой улицей и движением.

Крещатик, как большая река, привнес в себя с обеих сторон притоки разной величины и значимости. Надо было прежде всего определить, где начало этого движения и куда оно направлено. В прежнем состоянии Крещатика эти моменты не были ясно выражены. В разрабатываемом нами проекте таким началом является ковед бульвара Шевченко, а завершением — выход к свирку, ой берег Днепра.

Однако недостаточно определить начало и выход. Необходимо то и другое оправдать композиционно, п. е. внести движение, движение. Для этого мы избрали архаичные ритмичности застройки улицы, с постепенным напряжением этого ритма ой начала магистрали к её центру — площади Славы, где будут возвышены аданые городского совета и обраны Славы с высоким шпилем.

Таким образом, мы решаем задачу организации городского центра в виде улицы, объединяющей в себе движение ой центра к периферии и являющейся единому композиционному замыслу.

Академик архитектуры
Г. Гольц

ЧИТАЯ О БЫЛОМ... МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕТРАДЬ ОГАРЕВА

Весенним вечером 1840 года в скромной квартире Карамзинных собиравлись близкие друзья. Дочь покойного писателя и историкографы Софья Николаевна, как всегда, хлопотала за самоваром. Хозяева и гости кого-то с востерением и беспокойством поджидали. В дверях показался небольшого роста офицер в старом армейском сюртуке.
— Михаил Юрьевич! Наконец-то!

Все бросилось навстречу Лермонтову и забросало его тревожными вопросами.

Поэту предстоял дальний путь, в смысле, на Кавказ. Покидая Петербург, Лермонтов в последний час заехал к Карамзинным. Поэт был молчалив и задумчив. Он подождал ой околу. Ввалили перьями богатыми зеленым Летний сад, блеснула Нева. По нобу скользящие легкие дессенные облака. Лермонтов взял лист бумаги и стал писать...

«Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанный,
С милого севера в сторону южную...»

Вскоре лермонтовские «Тучки» задули наизусть вся грамотная Россия. На эти слова охотно писали музыку в равное время русские композиторы, и среди них — Даргомыжский, Рубинштейн, Асафьев.

Эти же стихи стали источником музыкального вдохновения другого русского поэта, современника Лермонтова, страстного его почитателя — Николая Платоновича Огарёва.

Теоретическая биография Огарёва, пламенного поэта-революционера, близкого друга и соратника Герцена, просвещеннейшего человека, неразрывно связана с постоянным и глубоким интересом к музыке, авторскими занятиями. «Я отдал бы полжизни,— восклицает поэт в одном из писем,— для того, чтобы быть музыкантом!»

Огарёву представлялось порой, что его творческие идеи лучше всего могли бы быть выражены именно средствами музыки, а не поэтического слова. Но Огарёв ощущал несовершенство своей композиторской техники и с горечью сетует: «Для чего и не знаю музыки! — пишет он Герцену — какая симфония вылетела бы из моей груди теперь!»

В течение своей долгой жизни поэт пробует силы в разных музыкальных жанрах. Огарёв сочиняет небольшие пьесы для фортепиано, пишет романы и песни на собственные стихи, на тексты русских и западноевропейских поэтов. Но лучшее пробы пера Огарёва-композитора неизменно связаны с поэзией Лермонтова.

Лермонтов—любимый поэт Огарёва прежде всего потому, что в произведениях Лермонтова—поэта-гражданина,—исполненных глубокой мысли и страстной воли к борьбе, Огарёв находит гениальное выражение души и чашей переданных людей своего поколения.

Поэзия Лермонтова влечёт Огарёва-музыканта непередаваемой мелодичностью стиха. И ой пишется «счета» дельмоговские стихи. Он сочиняет музыкальные эскизы к стихам «Русалка», «Выхожу один я на дорогу», «На светские цепи». Он пишет законченные романы «Мойтава» («Я, матерь Божья»), «Есть река, «Дитя моё» (отрывок ой поэмы «Мцыри»). Наконец, поэт обращается к лермонтовским «Тучам», и в музыкальном наследии Огарёва этот романс становится лучшим ой созданием.

Долгие годы это музыкальное наследие лежало под сукном в архивных хранилищах. Лишь в наше время в Москве вышло в свет собрание романсов Огарёва на стихи Лермонтова, впервые опубликованные автором этих строк.

Изданная музыкальная тетрадь поэта Огарёва — ещё один памятный вклад в советскую культуру, бережно хранящую наследие прошлых поколений.

Е. Канн

Красная площадь,

Рис. Б. Марквация.

СЕМУССТВО

зудат стал 2:0 в пользу «Спартака». Победа осталась за советскими футболистами.

Три звюнда из истории советского футбола. Три различных ситуации в игре. Три различных впечатления.

Но один тот — гол, нужный для победы. А эти голы, как и все, — результат хорошо поставленного удара по воротам.

Выработка удара — искусство, его «техника», как говорят тренеры, является сложным делом и кропотливым делом. Для того чтобы тот или иной футболист считался квалифицированным игроком, необходимо, чтобы удар по мячу он осуществлял абсолютно уверенно, точно, совмещая с максимальной быстротой и достаточной силой.

Есть игроки, обладающие природной способностью к удару. Среди мастеров называем Бутусова, Пелюка, Федотова, Семёнова, Пайдаца. Есть игроки, которые не обладали мячиком, чувшеюмо ударом, имеют очень тонкий, выверенный удар. Это, например, П. Деметрев, Рязанцев, Петроп, Наюков, есть игроки, которые путем систематической, планомерной тренировки достигали себе удара, доходящий до автоматического. Этим игрокам команды обыкновенно доверают право на «элегантный» и красивый, штрафной удар без запытки. Ярким представителем игроков такого типа является, например, Глазков, забивший за 10 сезонов 36 «элегантов».

Но обладать сильным ударом — ещё не значит быть хорошим игроком. Глубоко заблуждаются те футболисты, которые думают, что, обладая чувшеюмо ударом, они обеспечат тем самым себе полный успех в игре.

Хороший, или, как говорят специалисты, «элегантный», игрок должен применять удар во всех его вариантах. Тогда его игра будет технически безупречна.

Иногда повторяются о том, что футбол — азиатская игра, требующая отменной физической подготовки спортсмена. Подсчитано, что в напряженных встречах игроки полузащиты пробегают за 90 минут до 11 километров, причём, как правило, без прохода изумительными рынками на 10—50 метров.

Надо иметь очень хорошую первую систему, чтобы успевать реагировать на мяч, который, подобно мячиной бомбе, окружён в 70 сантиметров и весом в 400—450 граммов, разрезает во-

дух со скоростью, доходящей иногда до 200 километров в час! И, для того чтобы меньше тратить силы в игре, быть к сшибанию мяча совсем, или совсем, сохраняя больше нерковой и физической энергии, надо уметь хорошо владеть ударом.

Работают все четыре вратарь команды. Ничья с вратар. Вратарь — единственный игрок в команде, которому можно касаться мяча руками. Поэтому он должен владеть не только тонким и сильным ударом для выбивания мяча от ворот, но и уметь при случае, физически выразиться, «дать волю своим мускулам, чтобы отбить какой-нибудь мяч в верхней части ворот. Мы знаем ряд вратарей, отличных владением ударом как ног, так и рук. Это вратарь сборной Москвы 1925—1933 годов Михаил Леонов, это расстрелянный немцами футболистом лучшим вратарём Советского Союза Николай Трусовым. Отличными вратарями являются также известные сейчас мастера Анатолий Акимов («Торпедо») и Владимир Никитин (ЦДКА).

В защите советский футбол знает таких чудных игроков, как Лев Коробков («Динамо»), Георгий Мазанов («Крылья Советов»), Арчил Квицидзе (Тбилиси), Александр Селиванов («Спартак»). Такие игроки свободно могут встать 50—70-метрово «удуль», находиться на своих штрафных площадках. В 1932 году на матче «Торпедо» — «Спартак» в первом составе Москвы защитник забил невероятный мяч в ворота противника, находясь метрах в 40—45 от них.

В полузащите блестящим мастером удара был заслуженный мастер спорта, ныне инженер Анатолий Иванягин Степанов, Фёдор Селиванов. За толковые троики и прыжки артиста прозвали Селиванов «королём воздуха». Но и при этом в центре полузащиты он привнес тогда позитивную систему «взять в ливан» и в раз реал исход матча своими «вспаривания», посланная в ворота с 25—30 метров. Так же виртуозно он играл головой.

Из известных полузащитников надо отметить московский воспитанник Иванягина («Спартак»), обладателя чужеземного удара, Александра Виноградова (ЦДКА), Леонида Соловьева («Динамо»), Николая Морозова («Торпедо»). Обладая тонким и сильным ударом, эти игроки (особенно последний тройка) часто включаются в атаку — «взять в ливан».

Но, конечно, уже самый характер футбола подсказывает, что основные мастера удара сосредоточены в нападении. Это про их удары говорят на стадионах: «шумевший», «ли «мёртвый»».

Легендарец Михаил Бутусов

обладал ударом редкой точности и страшной силы. На одной из тренировок вратарь, неудачно выбрав место, был «задурирован» ударом, посланным Бутусовым.

Так же как и Бутусов, «босфорский» сочинил легенды и о «Мысе» Глебе Жуковичеве. Он имел очень разный, сильный мячики бдёр — «гафле» Кауиничева, как в шутку говорили заведующий стадиона, Мальчишья даже переставил пистолет, что на левой будте этого форварда было написано в приписке вратарю: «Мысо — не отечен!».

Владимир Форвард советского футбола, Кауиничев действительно имел редкий по силе удар с левой ноги. Лишь динамовец Василий Панаев, имя которого пришлось на стадионах в период 1925—1936 годов, обладал ударом такой же мощи.

Говоря о мастерах удара в футболе, нельзя пройти мимо имен динамовцев — Василия Самары, Сергея Ильина и спартаковца Владимира Степанова, Рахмиева по манере игры, боевому темпераменту и стилью, они обыкновенно считались — большими искусством владения мячом и тонким ударом большой скоростью и силой. Этим тройке советский футбол обязан не одной слабой победой в международных встречах. Кстати, все троие неоднократно были «элеганты».

Говоря о игроках в первом ряду советских форвардов, надо упомянуть Александра Пономарёва («Торпедо»). Это ему принадлежит непревзойдённый пока рекорд, установленный в товарищеском матче ставрицких команд «Торпедо» — «Спартак» в 1939 году, когда команда «Торпедо» выиграла у своего противника со счётом 7:0 и в 7 мячей были забиты Пономарёвым.

И, наконец, о сильнейшем нападающем современному русскому футболу — обидере Крайнев Артем Григорьев Федотове. За 10 лет он забил уже 270 мячей! Федотовские «голочки» выманил из сетки ворот в Петрозаводске, Софии, Азербайджане. Отлично знает тонкости и сложнейшие удары Федотова и наши, советские вратари.

Федотов — игрок редкой универсальности. Он словно чувствует, где лучше комбинации, он всегда у мяча, и, обладая отточенной техникой игры, Федотов «выбавляет мяч из самых неожиданных положений».

Свыше 2 тысяч мячей забито за 6 минутных первенств. И обладательностью по количеству забитых мячей в самых неожиданных положениях и самому удару.

А в этом сезоне, прошедшем в год Великой Победы, миллионы гола в последние дни футбола ждут от наших мастеров «сезон» «аффикных и остроумных комбинаций, особенно красивых ударов по воротам — быстрых, расчётливых, по замыслу «глаз» советского футбола».

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смыслова.

ПАРТИЯ № 1

Несомненно завоевавший XIV шахматный чемпионат СССР дал немало отлично проведенных от начала до конца партий. Одной из интереснейших, несомненно, была игравшая в деветом туре партия Котов — Болослаевский, в которой ярко проводилась комбинационное искусство Болослаевского и его энергия в ослепной атаке.

1. d2—d4 Kc8—f6
2. Cc1—g5 Kc8—f6
3. Cg5—f4 d7—d5
4. f2—f3 Kc4—f6
5. e2—e4 g7—e5
6. Фd1—d2 Kf8—d7
7. f4—h6

Котов терпит время, стараясь ослабить королевский фланг противника. Однако размен слонов приводит пешку к особенно черным полям в лагере белых, тем Болослаевский пользуется.

8. Kf6—e4
9. Cg5—f4 d7—d5
10. Фh6—d2 Kf6—e4
11. e3—d4 Kf8—d7
12. Kc1—a3

Белые не разгадали плана черных, иначе они сыграли бы 12. d5. Болослаевский не упускает случая и сразу же переходит к активным действиям, жертвуя пешку.

13. d4—e5 Kd7—e5
14. Cb1—b5 Kf6—f8
15. e4—d5 Kf8—g7
16. Kc1—e2

Положение белых уже затруднительно. Оставшись в центре, король подвергается активным атакам, однако длинная рокировка не может быть осуществлена из-за 16. . . . Cf5 с сильнейшей атакой у черных.

16. a7—e6
17. Ch5—e4 Lf8—e8
18. Ld1—d1

Необходимо было увести короля с открытой линии, сыгран 18. Kf1. Теперь из лагерь белых обрушивается ряд сильных ударов.

Положение после хода белых 18. Лd1—d1.

18. Cc8—h3
19. Kf1—f1 Kc5: f3
20. Фd2—f4 Kf6—g4
21. Фf4: f3 Kc4—e3 +
22. Kf1—e1 Ch3: g2

Теперь черные с личной отыгранкой пожертвовали. Дальнейшее сотрудничество белых безнадёжно.

23. Фf3—f2 Cg2: h1
24. Ld1—d3 Фb6—b4 +
25. Lf3—d2 Lf8—c8
26. Cc4—h3 Ch1: d5
27. Ch3: d5 Kc3: d5
28. Фf2—d4 + Фh4: d4
29. Ld2: d4 Kd5—f6

Белые сдались.

АЛГОРИЦЕВ

В XIV шахматном чемпионате СССР мастер алгориторев из первых номеров партий сделал семь ничьих.

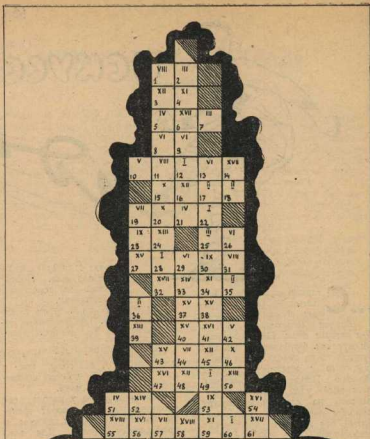

Принудил он, любя покой,
Оригинально новинку—
И едине боевой
Предпочтает. половнику.

А. ИЛГИЦКИЙ.

ИЗ ШАХМАТНОЙ СТАРИНЫ

Одним из сильнейших шахматистов XVI века был итальянец Паоло Бои. Страстный исследователь приключений, он участвовал в знаменитой битве при Лепанто, где сражался рядом с Сурендеем—автором бессмертного «Дон-Кихота». Затем он отправился в Венесию, где познакомился с двадцатилетней Розой Ливини, ставшей шахматисткой, да той

Кроссворд-Криптограмма

Составил читатель «Смены» Г. Картаванко (Тула)

Из букв текста криптограмма составлено 18 слов кроссворда. Расшифрова слова кроссворда, разменют буквы, образуяице это слово, до калеткам соответ- лвенно приведенным цифрам.

Порядковый номер букв текста обозначен арабскими цифрами; римские цифры означают, в какие из заданных слов кроссворда входит соответствующая буква текста. Зашифрованные клет- ки означают промежутки между сло- гами, поузаметризованные клет- ки—знаки препинания.

Решив кроссворд-криптограмму, вы прочтете фразу известного рус- ского учёного, его видяцкая и фами- лия.

1. 28, 12, 40, 60, 22—редкий металл.
2. 35, 18, 17, 36—стрельный материал.
- III. 25, 2, 7—часть ружейного заруда.

- IV. 5, 21, 51—старинное холо- дильное оружие.
- V. 42, 10—заверье.
- VI. 9, 8, 13, 26, 29—вид транс- порта.
- VII. 57, 44, 19—мера времени.
- VIII. 11, 31, 1—продукт горел- ных газов.
- IX. 63, 23, 30—металлоид.
- X. 15, 46, 20—подставка.
- XI. 69, 4, 34—деталь осястки парусного судна.
- XII. 3, 16, 45, 48—углубление в стене.
- XIII. 60, 39, 24—спортивный термин.
- XIV. 52, 33—церковно-славян- ский буквал.
- XV. 38, 27, 40, 37, 43—медика- мент.
- XVI. 54, 56, 47, 41—посетодате- лель Арктики.
- XVII. 61, 6, 32, 14—роман И. С. Тургенева.
- XVIII. 58, 55—интеллект.

чтобы развлекать большого отца. Бои часто «обманывал» своего Ливини, но, выигрива два кален- дара, заканчивал партии с Розой вынужо. Отец был в восторге от успехов дочери, пока она в руке не попал сюжет, сочинённый Бои, влюблённым в Розу. Радавая пригласу шахматных «искусств» Розы, строгий отец попросил Бои продемонстрировать уроки его дочери.

Пала Урбин VIII, большой лю- битель шахмат, предложил Бои поселиться в Ватикане и хотел

сделать его епископом, подобно тому как испанской король Фри- дрих II сделал епископом шахма- тиста Руя Лопеса. Однако любовь к путешествиям заставила Бои отказаться от этого предложения.

Во время путешествия из Афри- ке Бои отплыл в плен к корсару, но был освобождён ввиду а знак благодарности за то, что из- учил промислов черпать в шахматы. Бои попурился по разным страши до глубокой старости. Умер он в 1598 году.

Ответственный редактор — Борис ВОИТЕХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Неприятные рукописи не возвращаются.

А 5717. Подписано к печати 16/VI—45 г. Формат 21x110 мм. 2½ печ. л. Вн. в печ. л. 98.000. Зак. 11189. Тираж 30 000 экз. Изд. № 400.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В трудные, военные времена было начато строительство Дворца культуры московского метрополитена. Через несколько месяцев распахнутся двери этого празднично-народного здания где сейчас заканчивает работу бригада художников.

Мраморные лестницы, вестибюли, богато декорированные барельефы, разнообразно оформленные залы и, наконец, великолепный театрально-концертный зал с массивными лепными украшениями и монументальной живописью потолка — таков Дворец культуры.

Тема росписи плафона — Праздник Победы. Художники Г. Рубин и В. Иорданский, авторы этой росписи, поставили перед собой задачу — во-

ПЛАФОН «ПОБЕДА»

плотить в величавых образах героическую тему прославления подвига Красной Армии, тему всемирного ликования и торжества победы над врагом.

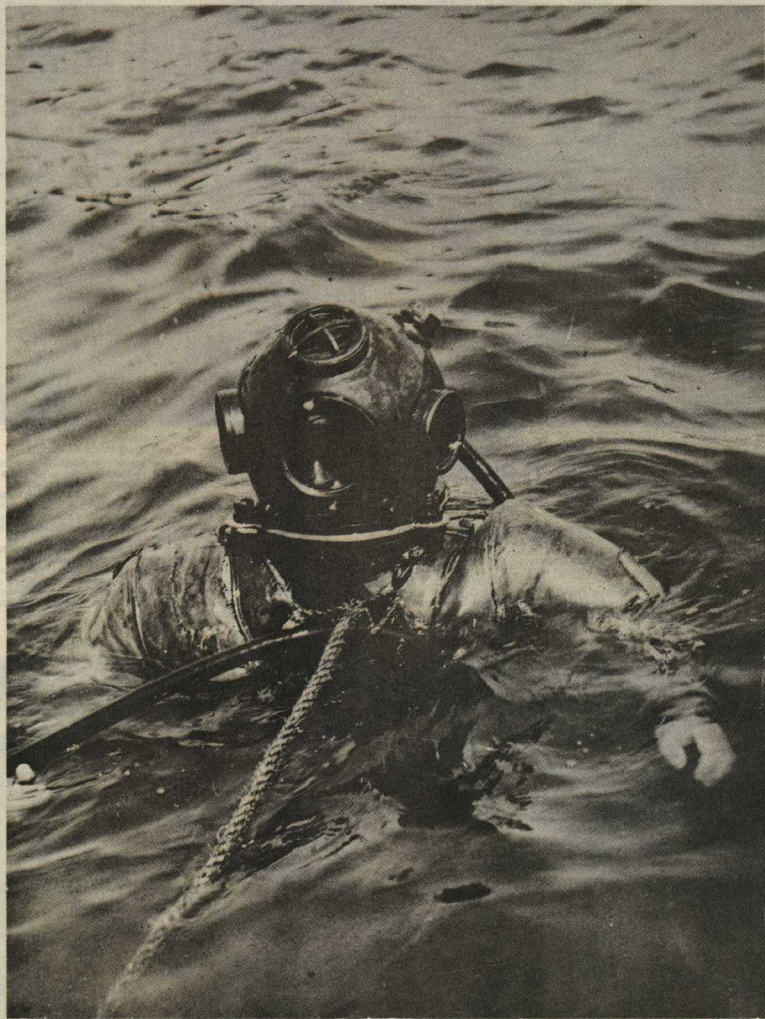
Радиозная картина встречи победителей развертывается на огромном пространстве плафона — 20 на 90 метров. Торжественным маршем идут солдаты войны. Они используют естественную арку Славы. Представители различных национальностей Советского Союза с цветами и вкладами в руках устремляются им навстречу. Победители

встречают группы юной и таинущей молодежи. Физкультурники в их честь выкладывают огромные украшения...

Высоко в небе трепещет алая полосочка с изображением ордена «Победа», окружившего золотыми ветвями лавра и дуба. Сияние света струится из-за кремлевской башни. Вон залитая солнцем, оседая южной своей правей гербом...

В картонках, выполненных углем в натуральную величину, художники детально разработали свой замысел и теперь в технике фресковой живописи заманивают огромный зал, который будет интеллигент на потолок театрального зала Дворца культуры. Мы воспроизводим два фрагмента будущего плафона «Победа».

Перед погружением...

Фото Е. Халдея.